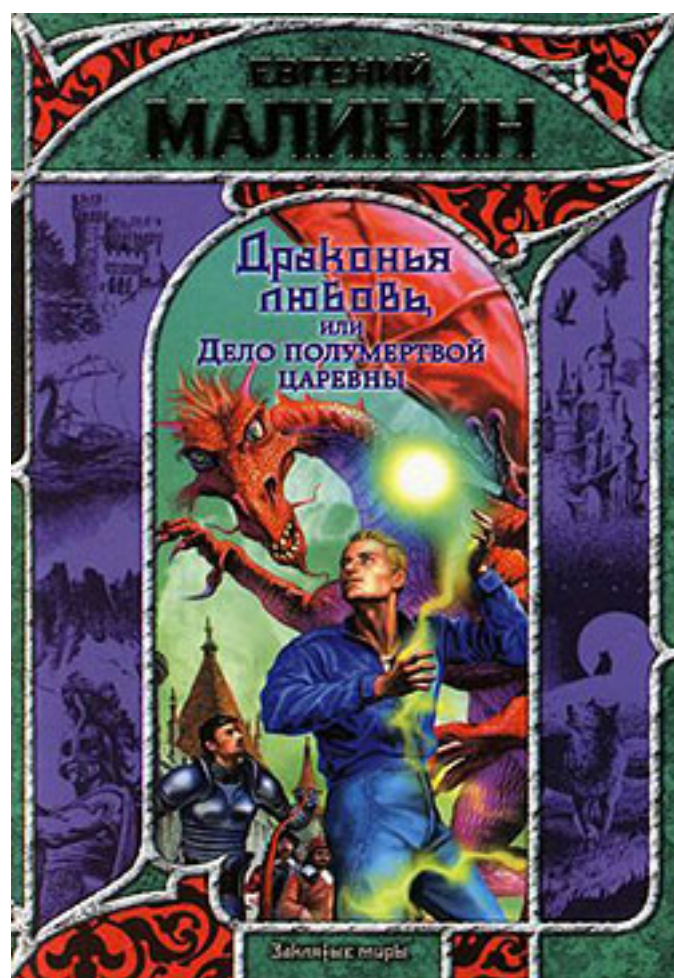

Евгений Малинин
Драконья любовь, или
Дело полумертвой царевны
Серия «Драконье горе», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160685

Драконья любовь, или Дело полумертвой царевны: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-044259-1, 978-5-9713-5696-7, 978-5-9762-3711-7

Аннотация

Личная жизнь наконец-то стронулась с мертвой точки...

Большой прогресс для амбициозного журналиста Владимира Сорокина, «по совместительству» странствующего по иным мирам и владеющего могущественной магией!

Однако покоровшая сердце Сорокина красавица Людмила неожиданно впадает в кому – а потом и вовсе бесследно исчезает из больницы.

Как отыскать ее?

Поиски приводят Владимира в еще один мир...

В мир, где явью становятся самые невероятные славянские мифы и легенды.

В мир ведьм и шептунов, русалок и водяных, живых мертвяков и таинственных мар.

В мир, где ему предстоит сыграть роль храброго витязя, готового вступить в смертный бой с похитителем красных девиц – Змеем Горынычем...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	52
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Евгений Малинин

Драконья любовь

или

Дело полумертвой царевны

Пролог

«Я это сделал!! Я сделал!!! У меня получилось!! Получилось!.. Сколько же лет прошло, с тех пор, как у меня появилась эта идея, семь... восемь?... Не помню. Но теперь это уже и не важно! Вот оно – заклинание способное преодолеть Барьер, Бездну, Ничто!.. Полстранички текста, двенадцать составляющих... восемь лет работы... и она в моих руках! Она... в моих... руках!.. Живая!.. Светлые волосы, васильковые глаза, тонкие запястья, длинные, худые ноги... Она придет ко мне... придет сама! Сама!!»

Несуразно огромный кабинет до краев заполняла темнота, лишь на краю совершенно пустого письменного стола, своими размерами напоминающего вертолетную площадку, горела высокая, толстая витая свеча в вычурном, желтого металла подсвечнике. В рабочем кресле, габаритами соответствующем столу, сгорбившись, поглаживая ладонями отполированные подлокотники, сидел еще молодой, невзрачный человек с огненно-рыжей шевелюрой и странно неподвижным лицом. Его глаза были прикованы к небольшому листу бумаги, лежавшему на краю столешницы. Листок наполовину был исписан удивительно четким, без помарок и исправлений почерком, а в конце текста красовался странный, причудливый до уродства росчерк.

Огонек свечи чуть дрогнул, раздался короткий, жалобный треск сворачивающегося в агонии фитиля. Одновременно с этим рука человека, оставив на мгновение подлокотник, дернулась к листу, но тут же вернулась на место, словно ее хозяин чего-то испугался.

И снова воцарилась тишина... И снова в голове человека потекли спутанные, прерывистые мысли:

«Осталось совсем немного... выбрать место и запустить заклинание. Запустить заклинание?! А если снова что-то не так, если последняя проба – всего лишь невероятная, неповторимая удача?!»

Человек в кресле вздрогнул всем телом и вдруг застыл в странной, неестественной позе, словно его мгновенно настиг пароксизм отчаяния!

«Нет!! Этого не может быть!! Последняя проба – логический результат восьмилетней работы, он не может быть случайностью!! Надо успокоиться... надо успокоиться! И довести начатое до конца!! Первое – это место приложения заклинания, и я знаю это место!! О-о-о, как хорошо я знаю это место!! Оно снится мне почти каждую ночь, это проклятое место!! Именно там, в этом месте я раскину свое заклинание, свою... лебединую песню!! Свою... последнюю надежду!! Свою... ловушку!! Ха-ха... ловушку!! Нет, не ловушку!! Нет!! Свой зов! Зов одной души другой душе!! Зов душе!!! Ловушку телу!!!»

Человек снова вздрогнул, на этот раз словно бы от озноба и перевел взгляд с листа бумаги в беспросветную темноту кабинета.

«Что ж не идет Пров?! Снова занят каким-нибудь допросом?.. Или в очередной раз пытается составить свое пресловутое универсальное заклинание?! Глупец... бездарь... думает, что он маг! Маг! А сам не знает, что скоро его... заменят! Скоро... скоро... Он совсем

разболтался – позволяет себе заставлять меня ждать!! Впрочем... сегодня я могу и подождать...»

В этот момент в крошечной тьме кабинета прорезалась высокая узкая полоска света. На противоположной от стола стене медленно открывалась высокая, в два человеческих роста дверь, пропуская в кабинет высокую, чуть сутулую фигуру, закутанную в длинный черный плащ с поднятым капюшоном. Едва посетитель перешагнул порог кабинета, дверь за ним прикрылась, отрезав свет, и снова в кабинете воцарилась темнота и тишина. Только спустя бесконечно долгую минуту в этой темноте раздался неожиданно мягкий, бархатный баритон хозяина кабинета:

– Ты заставляешь себя ждать, Пров... Снова занимался своими поисками?.. Снова пытался найти универсальное заклинание?..

Ответа не последовало, и тогда хозяин кабинета приказал:

– Подойди ближе, я смотрю, ты стал плохо слышать... Ближе!!

Он не кричал, но его голос стал вдруг вездесущим, как будто сама темнота превратилась в его проводник!

Пометавшись по самым дальним, самым темным углам, приказ наконец затих, и вслед за этим по кабинету прощуршало едва заметное движение. Из мрака выступила закутанная в черное фигура. Из-под низко надвинутого капюшона на хозяина кабинета глянули багрово мерцающие глаза.

– Слушай меня внимательно... – Проговорил хозяин кабинета, впившись взглядом в эти багровые угольки. – Подготовишь группу из трех-четырех опытных человек, обязательно включишь в нее одного очень хорошего мага-летуна. Я буду ждать эту группу в Черном бору через две недели и сам поставлю им задачу. Поручишь дьяку Дворцового приказа привести в порядок малые гостевые апартаменты, там скоро будет размещена очень важная персона... женского рода... Подготовить все как следует!! Я после возвращения из Черного бора сам все проверю и поставлю личную охрану.

Хозяин кабинета выпрямился в кресле и странно напряженным голосом спросил:

– Ты все понял?!

– В-ф-с-ш-ш-се, гос-ш-ш-сподин... – донеслось из-под капюшона.

– Можешь идти... – проговорил хозяин кабинета, и тут же приказал. – Стой!.. Сними капюшон!

Фигура в черном беспрекословно повиновалась. Капюшон опустился на покатые плечи, и в трепетном свете свечи показалась уродливая, ни сколько не похожая на человеческую, голова. Совершенно голая, лишенная ушей, она была сплюснута сверху так, что челюсти вытянулись далеко вперед, наподобие крокодилий, губы вывернулись обнажая редкие кривые резцы и торчащие наружу клыки. И только горящие багровым отсветом глаза давили возникающий при виде этой безобразной головы смех.

Хозяин кабинета несколько секунд рассматривал своего посетителя, а потом с легкой насмешкой проговорил:

– Если ты не прекратишь свои... поиски, весьма скоро превратишься в самое обычное пресмыкающееся! Пойми наконец, Пров, у тебя нет способностей, чтобы освоить заклинания Великого Змея! Ты никогда не сможешь превращаться Змеем Горынычем!! Не дано этого тебе!!!

Чуть помолчав, он отвел глаза от чудовищно уродливой головы своего посетителя и устало проговорил:

– Ступай!..

Существо, названное Провом, медленно натянуло капюшон на голову, медленно повернулось и молча покинуло кабинет. Когда дверь за ним затворилась, хозяин кабинета встал

с кресла и усталым, волочащимся шагом двинулся в угол кабинета, туда, где располагался выход, ведущий во внутренние покои.

Глава первая

*К сожаленью, день рожденья
Только раз в году...*
(Песенка из мультфильма)

*День рожденья —
Грустный праздник...*
(Эстрадная песенка)

*В день рожденья мне хочется выть
От желанья подольше пожить!*
(Застольная песенка)

Ну вот мне уже и тридцать стукнуло!.. Кто-то, возможно, скажет, что это прекрасный возраст — возраст грандиозных планов и великих свершений, а мне тоскливо! Хотя мне в течение вот уже лет десяти бывает тоскливо в день собственного рождения. Но на этот раз моя тоска достигла просто небывалых размеров — тридцать ведь!

Ребята в редакции, зная мое отношение к этому «празднику» не надоедали мне со своими поздравлениями, за что я был им очень признателен. Более того, едва я появился, как ко мне пошли люди со всевозможными вопросами, требовавшими серьезных обсуждений и споров, так что утренняя депрессия, возникшая во время изучения собственной тридцатилетней физиономии в туалетном зеркале, сгладилась и отступила.

А сразу же после обеда я оказался, не помню уже в связи с чем, в приемной нашего главного редактора... Вот тут меня и шибануло!

Я переступил порог приемной во вполне приличном, рабочем настроении, почти уже забыв о своем тридцатилетнем «юбилее». Галочка, секретарша Савелия Петровича, нашего главного редактора, мой старый и вредный друг, сидела на своем рабочем месте и привычно ничего не делала. Вернее, привычно болтала... Только на этот раз ее собеседницей была не одна из наших корректорш, а совершенно незнакомая мне девушка, видимо, подруга Галочки. Девчонка эта сидела рядом с Галочкиным столом, спиной к входу и даже не обернулась на звук открываемой двери.

Галочка же, увидев меня, восторженно взвизгнула и заверещала своим высоким, пронзительным голосом:

— Люсенька, посмотри, кто к нам заглянул!!! Это, позволь тебе представить, Володя Сорокин, наш специальный корреспондент по криминальным делам!.. Ты не смотри на то, что он такой... э-э-э... несимпатичный, на самом деле он очень добрый и отзывчивый!.. А какие он фокусы показывает — закачаешься!.. Просто ниоткуда достает разные штуки, вертит столами и стульями, не притрагиваясь к ним!.. И вообще!!!!

Что «вообще» Галочка даже не подумала объяснить. Вместо этого она приподнялась со своего продавленного креслица и умоляющим, чуть подвизгивающим голосом попросила:

— Володенька, ну покажи что-нибудь прикольное!!

Я, слегка ошавев от столь бурного представления своей особы незнакомому человеку, чисто машинально щелкнул пальцами правой руки и прошептал коротенькое словцо. В то же мгновение стул, на котором восседала нелюбопытная незнакомка плавно оторвался от пола и, развернувшись, столь же плавно опустился на свое место. Девчонка, с удивительным спокойствием отнеслась к своему необычному полету, но уже с некоторым интересом взглянула мне в лицо. Мне, естественно, тоже стало интересно, что это за столь невозмутимая особа?

На меня смотрела высокая, белокурая девушка лет двадцати трех-двадцати четырех с чуть удлиненным матово бледным лицом и яркими синими глазами в обрамлении густых темных ресниц. На ней было надето простое белое платье с удлиненной юбкой, кружевными воротником и манжетами.

И тут я вдруг понял, что вижу перед собой... Кроху... фею Годену! Ту самую фею Годену – мою единственную любовь, встреченную мной во время первого иномирного путешествия и тогда же потерянную!! Мои ноги буквально приросли к полу!..

Вообще-то я человек довольно развязный, и с девушками веду себя совершенно свободно, но тут не то что слова, само дыхание замерло в моем горле. А девушка, рассматривавшая меня чуть встревоженным, удивленным взглядом, неожиданно подняла руку и тонкими длинными пальцами, коснулась своего высокого лба, словно вспоминая нечто когда-то увиденное и... давно позабытое.

А Галочка тем временем снова завизжала:

– Ну, Люська, ты видела, что он вытворяет!! А когда с ним поближе познакомишься, то вообще не обращаешь внимания на его страшную рожа... э-э-э... лицо! Поверь, он просто душка!!

«Чего у Галочки не отнять, – раздраженно подумал я, – так это непосредственности. Как естественно у нее получилось – „...вообще не обращаешь внимания на его страшную... лицо“, прямо, как будто комплемент мимоходом отвесила!»

И тут же, словно в ответ на мои мысли раздался глубокий, мелодичный голос незнакомой мне Людмилы:

– Галинка, ты говоришь ерунду! Никакое у него лицо не страшное... Просто ты не видишь... главного. По-моему... – она бросила в мою сторону еще один короткий, оценивающий взгляд, – ...Владимир очень даже симпатичен... Посмотри, какие у него... замечательные глаза – утонуть можно...

По всем правилам поведения мне положено было смутиться и, пошаркав ножкой, поблагодарить за комплимент, но вместо этого я почему-то разозлился.

– А вы, девочки, каждого проходящего вот таким образом по косточкам разбираете, или я один удостоился столь высокой чести?!

Галочка смущенно захлопнула рот, а в глазах Людмилы снова промелькнуло удивление. Я же тем временем продолжил:

– Впрочем, не буду вам мешать! Мое дело не настолько серьезное и срочное, чтобы отвлекать вас от вашей высокоинтеллектуальной, глубокомысленной беседы!

И я вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Вернувшись на свое рабочее место, я постарался успокоиться, и уже с некоторым даже юмором, подумал о двух девчонках-бездельницах, треплющих своими длинными, шустрыми, острыми язычками в приемной. Здорово я их «отбрил»!

И работа снова завертела меня. Принесли гранки моей статьи, шедшей в завтрашний номер, дважды звонили из студии нашего местного телевидения, мне самому пришлось сделать четыре звонка, два из которых были весьма скандальными, короче – шла обычная будничная суета. Однако, спустя часа три-четыре, когда номер был сдан и рабочая горячка схлынула, я вдруг понял, что у меня из головы не выходит эта... Людмила!

А ближе к вечеру мне стало совсем плохо! Моя изуверская память слила облик феи Годены и облик Людмила в некое непередаваемое... недостижимое совершенство. Синие глаза, опущенные темными ресницами встали перед моим внутренним взором, мешая мне сосредоточиться на чем-либо, не имевшем отношения к ним и их владелице, наполняя мое сердце темной, глухой тоской!

Я решил пропустить запланированную встречу со своими подшефными «внуками Ильи Муромца» и остаться дома – настроение мое никак не подходило для разговоров с

ребятами, а собственный день рождения давал повод эти разговоры... перенести на другое время.

Притащив с кухни бутылку коньяка, нарезанный лимон и большой круглый бокал, я уселся за свой письменный стол, включил настольную лампу и выгреб из нижнего, запирающегося ящика свои богатства. Раскрыв оба мешочка, подаренные мне Мауликом – Тенью, охранявшей заповедник демиурга в странном, чудном мире феи Годены, я высыпал на столешницу посверкивающие камешки и, машинально перебирая их пальцами правой руки, вспоминал как дракончик «карликовой породы» по имени Кушамандыкбараштатун вышвырнул сначала старшего лейтенанта Макаронина, а затем и меня самого в свой странный, чудной мир. В мир, лишенный людей, населенный фейри и сквотами. В мир, где остались мои друзья – маленькие каргуши Топс и Фока... В мир моей единственной любви – феи Годены, Крохи, которая пожертвовала собой, спасая меня от черного колдовства карлика Оберона.

Я снова видел ее прекрасное лицо, ее улыбку... И это лицо как-то странно, неуволимо превращалось в лицо незнакомой мне девушки по имени Людмила... И в ушах моих снова звучали слова «...Посмотри, какие у него... замечательные глаза – утонуть можно...». И голос, произносивший эти слова, был голосом феи Годены... Крохи... Людмилы...

Тряхнув головой, я быстро ссыпал камушки в мешочки и, отодвинув их в сторону, потянулся к небольшой книжке в переплете из светло-зеленых нефритовых пластинок. Открыв ее посередине, я уставился на чуть желтоватые, абсолютно чистые страницы и вдруг услышал ясный, назидательный голос:

«Поднебесная есть центр населенного мира, и стыдно тебе, Сор-Кин-ир, не знать этого!»

Невольная улыбка выползла на мои губы, настолько живо я представил себе своего учителя, Фун-Ку-цзы, наряженного в темно-коричневую хламиду и шагающего неспешным шагом по пыльной, пустой дороге. Но улыбка моя тут же увяла – сквозь желтизну страницы проступило побелевшее, обескровленное лицо маленького Поганца Сю, а в моих ушах зазвучал его слабый прерывистый голос:

– Вот я и попробовал поступить так, как велело мне сердце... Видишь, что из этого получилось?..

Я медленно закрыл книгу – память о путешествии в Поднебесную, о преследовании тамошнего мага, ограбившего Алмазный Фонд России. Затем, хлебнув из бокала, я встал и прошел в спальню. Открыв дверцу платяного шкафа, я сдвинул висевшее там барахло и осторожно погладил черную замшу парадных доспехов черного изверга. Доспехов, доставшихся мне от дана Тона, сияющего дана Высокого данства, ставшего призраком и едва не отнявшего у меня мое собственное тело!.. Я вздохнул и тихо пробормотал:

– Жестокий дан на свете жил,
Доспехи не снимал,
Железом нечисть он крушил,
Мужчин сжигал, детей душил,
А женщин распинал!

Но срок пришел, и час пробил,
Жестокий дан подход и сгнил...

Да, мой маленький, безумный приятель Фрик, вольный дан Кай, сочинивший эту песенку, действительно был способен стать классиком литературы... Хотя... Любое отечество не терпит своих пророков, а Фрик был пророком!

Я закрыл шкаф и вернулся к столу.

«Так что же мне делать?.. – Как-то уж чересчур грустно подумал я, – что же мне делать со своей памятью и со своей... тоской?!»

И тут же мне стало ясно, что я лукавлю... Лукавлю сам с собой. Был человек, способный успокоить мою память и стереть мою тоску! Да и выросли моя память и моя тоска до совершенно непомерных размеров только потому, что я встретил человека, способного их укротить!!! Человеком этим была... Людмила, девушка, которую я видел всего несколько минут, и с которой, скорее всего, больше никогда не встречусь! Разве что Галочка поможет... Вот только обращаться к Галочке за помощью в этом деле мне очень не хотелось!.. Очень!!!

И тут в нижнем, чуть приоткрытом ящике моего стола послышалось странное, короткое шуршание. Я невольно опустил глаза и увидел, как ящик сам собой выдвинулся не меньше чем на ладонь, и в образовавшейся щели виднеется небольшой цилиндрический футляр, сияющий чистым золотисто-желтым цветом.

Сначала я даже не понял что это такое, и только взяв в руки этот крохотный и неожиданно тяжелый тубус, вспомнил, что это тот самый футляр, который я тайком вынес из резиденции Маулика и в котором должен лежать перевязанный желтой лентой пергаментный свиток. Но я сразу же вспомнил и другое – месяцев пять назад, во время ежегодной генеральной уборки своего логова, я перебирал содержимое всех ящиков.

Никакого футляра в ящике не было!

Однако теперь, вот он, как ни в чем не бывало, лежит в моей руке, демонстрируя свою непонятную тяжесть.

С минуту я рассматривал чистую золотисто-желтую кожу, обтягивающую маленький тубус, а затем осторожно потянул плотно пригнанную крышку вверх. Она не поддавалась, и я попробовал повернуть ее. Крышка легко пошла против часовой стрелки, одновременно сдвигаясь вверх, словно скользила по резьбе. Вот только никакой резьбы на открывающейся нижней части футляра не было. Наконец крышка отделилась от тубуса, и я вытряхнул свиток пергамента, перевязанный неширокой желтой ленточкой, на стол.

Снова закрыв зачем-то футляр, я аккуратно поставил его на край столешницы и принялся рассматривать свиток, не прикасаясь к нему руками. Моя осторожность была не совсем понятна мне самому, насколько мне помнилось, в пещере Маулика я уже вынимал этот свиток из футляра – надо сказать, без всякой опаски, и ничего со мной не случилось. Правда, в то время я еще не обладал знаниями, заключенными в Нефритовой книге...

Теперь же я отчетливо ощущал некий... запах что ли, опасности, исходивший от этого небольшого кусочка выделанной кожи ягненка. Желтая ленточка, перетягивавшая свиток имела по всей своей длине едва заметную надпись, сделанную вплетенной в нее золотистой нитью. Напоминала эта надпись изящную арабскую вязь, и в тот момент, когда я увидел это свиток впервые, я не смог ее разобрать. Однако теперь, владея магическими знаниями Нефритовой книги, я довольно быстро понял смысл этой надписи. По всей длине ленты, повторяясь, бежала коротенькая фраза «Сорвать эту печать дано только ищущему Любви».

Эта лента и вправду служила некоей печатью, поскольку ее узелок был залит чем-то красным, похожим на сургуч, и на этом сургуче был оттиснут овал, заключающий три одинаковые драконьи головы. Из пасти средней головы вырывалось длинное пламя.

Я задумчиво почесал лоб – если мне не изменяла память, в первый раз, когда я рассматривал этот свиток, печать на нем была... синей!

Если бы этот свиток попал мне в руки хотя бы на день раньше, я, скорей всего, и не подумал бы его вскрывать – и исходящий от него аромат опасности, и предупредительная надпись безусловно остановили бы меня. Но в тот вечер...

В тот вечер я вполне мог отнести себя к «ищущим Любви». А потому, взяв свиток в левую ладонь, и не сводя глаз с красной печати, я осторожно потянул за один из концов ленточки.

В следующий момент по комнате прокатился грозный раскатистый рык, а из пасти драконьей головы, располагавшейся в центре печати, вырвался крошечный, но вполне натуральный огненный факел! Печать мгновенно расплавилась и стекла на столешницу неряшливой красной лужицей, а по ленточке в разные стороны побежало быстрое, чуть слышно шипящее пламя, превращая этот кусочек ткани в невесомый серый пепел.

Едва только ленточка догорела, свиток, преодолевая сопротивление моих онемевших пальцев развернулся и передо мной легла небольшая желтоватая страничка, заполненная все той же изящной вязью. Я склонился над появившимся текстом и спустя пару минут начал понимать написанное:

«Два спящих желтка смешай в синей глине с шестнадцатью каплями горячей крови земли, добавь щепотку пепла из следа молнии, три глаза беременной гадюки, сушеный цветок арардуса и свежий, трехлетний корень-воплъ. Перемешай, залей смесь двумя плошками мертвой воды и дай настояться три часа. Взбей состав до образования кровавой пены, опусти в него голову черного петуха с открытыми глазами и вари на быстром живом пламени до писка...»

Тут я немного отвлекся от изучения листочка, подумав невольно: «Ну, если все это придется еще и пить!..»

Надпись тут же снова стала непонятной, а края листочка и, особенно, его уголки обуглились, словно облизанные невидимым пламенем. Быстрым усилием воли вернув себе сосредоточенность, я приостановил это странное обугливание и принялся читать дальше:

«... После первого писка убей огонь, но оставь угли. После третьего писка сними глину с углей и поставь в холодильник. Как только на вареве образуется корка, снеси глину в погреб и жди, пока корка не станет цвета увядающего папоротника. После этого пробей корку и слей варево в темное стекло».

Пока что, все было понятно, за исключением некоторых деталей, но я старался не отвлекаться на их обдумывание – надо было скорее дочитать до конца, поскольку края «документа» все-таки продолжали темнеть, скручиваться и осыпаться на стол черным, рыхлым пеплом.

«Смажь подушечки пальцев левой ноги пятью каплями отстоявшегося варева и твоя нога приведет тебя к тому, что ты ищешь. Капни пять капель отстоявшегося варева на след того, что ты ищешь, и оно само придет к тебе. Выпей пять капель отстоявшегося варева, и ты уничтожишь то, что...»

Ниже, по всей видимости, располагалась по крайней мере еще одна строка, но она уже обратилась в пепел.

Я перевел взгляд в начало текста и увидел, что этого начала уже нет... Да и вообще вся надпись сделалась совершенно нечитаемой – прежде изысканная, филигранная вязь текста стала вдруг какой-то съезженной, стиснутой, словно широко выписанные знаки вдруг столпились, сгрудились в центре оплавливающегося листа, спасаясь от подступающего невидимого пламени. Но места для всех них все равно не хватало, часть надписи уже исчезла вместе с осыпавшимся пеплом, а сохранившаяся часть выглядела так, словно некий сумасшедший писец покрывал невероятно тесной вязью уже неоднократно исписанную страницу.

Мне вдруг стало очень жаль эту странную, похожую на живую надпись, но чем ей помочь я не знал. Так что спустя каких-то пять минут она исчезла вместе с истлевшим листочком и только неопрятная красная сургучная клякса, лежавшая на столешнице, да щепотка черного, чуть жирноватого пепла напоминали об уничтоженном документе.

Впрочем, я отлично запомнил все то, что успел прочитать. Правда вот... «детали»!.. Что такое, например, «... три глаза беременной гадюки...» или «... вари на быстром живом пламени до писка...» мне было пока что непонятно.

В тот вечер я еще долго сидел за своим столом, прихлебывая коньяк, перебирая сокровища принесенные из других миров, обдумывая текст сгоревшего пергамента и прикидывая, каким образом его можно использовать, но ничего путного так и не придумал.

Рано утром, буквально на рассвете, меня разбудил звонок телефона. Не выспавшийся, и потому злой, как черт, я хватил трубку и буквально рывкнул в ухо невидимому собеседнику:

– Ну?!! Какого дьявола вы будите меня ни свет, ни заря?!!

А в ответ услышал глубокий, мелодичный голос:

– Володя, вы меня извините, пожалуйста, я не подумала, что для вас этот час ранний. Мне просто хотелось попросить у вас прощения за нашу с Галочкой бесцеремонность, с которой мы вчера обсуждали вашу внешность...

Это была... Людмила!..

Голос выжидающе умолк, а моя хваленая развязность снова дала сбой. Вместо того, чтобы подхватить предложенную девушкой тему, развить ее и добиться свидания с предметом моей... э-э-э... если хотите, страсти, я стоял, переминаясь босыми ногами на холодном полу, и молчал. Нет, я старался что-то сказать, и даже пару раз открыл рот, но ни одной сколько-нибудь интересной мысли в мою голову не пришло.

– Володя, вы меня слышите?.. – с некоторой тревогой поинтересовалась Людмила, и на этот прямо поставленный вопрос я наконец-то смог ответить:

– Слышу...

Если первые мои слова напоминали рев разъяренного зверя, то это коротенькое словечко могло сойти за какой-то невразумительный «бульк». Однако Людмила прекрасно его расслышала и ответила весьма оживленно:

– Ну, слава Богу, а то я испугалась, что своим несвоевременным звонком совсем вывела вас из себя!..

Легкая смешинка, которую я расслышал меж сказанных ею слов, помогла мне немного прийти в себя, так что следующая, моя фраза звучала почти нормально:

– Вы, Людочка, не обращайтесь на меня внимания и, главное, не обижайтесь. Просто я вчера очень поздно лег спать, ну и... – не договорив, я перескочил на другое, – А вообще-то я очень рад, что вы мне позвонили!..

– Ну, то, что вы вчера поздно легли вполне понятно, – смешинка в голосе стала еще явственней, – Тридцать не каждый день исполняется! Надеюсь, вы весело отметили свой день рождения?..

«Ну вот, и она о том же!.. – с грустью подумал я и тут же одернул сам себя, – она же не знает моего отношения к этому „празднику“.

– Да, конечно, – в моем голосе прозвучала сдержанная грусть, приличествующая содержанию ответа, – я весь вечер провел дома в одиночестве, предаваясь воспоминаниям о прожитых годах!

– В одиночестве?! – Удивилась Людмила. – Неужели у вас нет... ну... – она явно замялась, – ... друзей, готовых скрасить ваше одиночество?..

– Друзья у меня есть, – быстро ответил я, – и друзей у меня немало. Только мне не нравится, когда мне дарят подарки в связи с тем, что моя жизнь укоротилась еще на год!

– Ну, как обидно! – Воскликнула вдруг Людмила. – А я для вас подарок оставила у Галочки! Я же не знала...

Она замолчала, недоговорив, а я тоже не знал, что сказать. В нашем разговоре на несколько секунд наступила пауза, после чего я неуверенно выдавил:

– За подарок, конечно, большое спасибо, но...

И тут же прикусил себе язык – разве так благодарят девушку за подарок!

– А может быть... если, конечно, у вас будет свободное время... То есть я хочу сказать, если вы сочтете возможным... – «заблеял» я запинаящимся голосом и тут же подумал:

«Господи, что я несу!! Она же решит, что я полный дебил!»

Возможно, именно эта жуткая мысль встряхнула меня и вернула в более-менее нормальное состояние.

– Может быть вы согласитесь сегодня вечером поужинать со мной? – Уже вполне нормальным голосом проговорил я.

И снова возникла секундная пауза, после которой раздался ее огорченный голосок:

– К сожалению, я сегодня днем уезжаю... У меня бабушка прихворнула, надо ее навещать... – сердце у меня упало, но тут же вернулось обратно, поскольку она продолжила, – если можно, давайте перенесем ваше приглашение на неделю. Я вернусь и позвоню, вот тогда вы его... повторите... Если захотите...

«Если захочу?! – мысленно завопил я, – Разве в этом можно сомневаться?!»

Но мой вопль так и остался у меня внутри, а вслух я достаточно сдержанно произнес:

– Очень хорошо! Значит, я жду вашего звонка!

Мы распрощались, и я бросился приводить себя в порядок, завтракать и... торопиться на работу!..

Никогда в жизни я не приходил на свою творческую «службу» в такую рань! Даже дежуривший в холле редакции милиционер вытаращил глаза, увидев мою долговязую фигуру в столь необычный час. Впрочем, уловив мое неостановимое стремление к рабочему месту, он не стал задавать глупых вопросов и комментировать мое необычное поведение, ограничившись коротким:

– Ну, Володька, ты сегодня первый!..

На что я немедленно ответил вопросом:

– А разве Галочка еще не на работе?!!

– Да ты что?! – Удивился страж порядка, – Галина Анатольевна появляется ровно в девять, ну может быть минут десять десятого, а сейчас только половина восьмого!..

Мне показалось, что он с трудом подавил в себе желание покрутить пальцем около виска.

Я молча кивнул и с умным видом проследовал к себе.

Эти полтора часа были самыми длинными в моей, уже немаленькой, жизни. Просто поразительно, с каким нетерпением я жаждал увидеть, что же такое подарила мне эта мало-знакомая девушка с милым именем Людмила. Но все проходит в этой жизни, пришли и эти невыносимые полтора часа. Пятнадцать минут десятого я вошел в приемную главного редактора и сподобился лицезреть нашего секретаря, раскрашивавшего свое курносенькое личико.

Подойдя к столу, я чуть наклонился и простучал пальцами по столешнице некий воинственный мотивчик. Галочка оторвала взгляд от зеркала, неодобрительно взглянула в мою сторону и, вернувшись к прежнему занятию, недовольно поинтересовалась:

– Тебе чего-то надо?..

«Отдай мой подарок!!!» – Чуть не рывкнул я во всю глотку, но вовремя сдержался, сообразив, что меня могут неправильно понять.

– Да, нет, – стараясь быть спокойным ответил я, – просто зашел поинтересоваться самочувствием...

– Моим?.. – Галочкин голосок мгновенно потерял все свое недовольство, и в нем проклюнулся интерес.

– Ну не моим же!.. – Грубовато бросил я, – про свое самочувствие я и так все знаю!

– У меня отличное самочувствие!.. – Кокетливо произнесла Галочка и замолчала, явно ожидая продолжения столь интересно начавшегося разговора.

«Еще бы! – сердито подумал я, – Заныкала чужой подарок – конечно самочувствие будет отличным».

Но вслух произнес более миролюбиво:

– Я рад за тебя!

– А у тебя плохое самочувствие?.. – очень искренне посочувствовала Галочка.

– Да... – энергично кивнул я, – мое самочувствие могло бы быть и лучше!

– Я могу как-то этому помочь?! – С вновь возникшим кокетством поинтересовалась Галочка.

– Можешь!.. – Кивнул я. – У тебя вчера оставили... э-э-э... подарок для меня, может быть, ты мне его отдашь?!!

К концу фразы в моем голосе сквозило настолько неприкрытое нетерпение, что любой другой человек на месте Галочки поспешил бы вручить мне требуемое. Но наш секретарь, как я уже говорил, внимательно слушала только самое себя. Поэтому, прищурив свои и без того невеликие глазки она с изрядной долей ехидства спросила:

– А откуда ты знаешь, что для тебя что-то оставили?..

«От верблюда!!!» – Чуть было не ляпнул я, но тут же сам себе заткнул пасть, поскольку назвать «верблюдом», пусть и в жестоком запале, самую красивую девушку в мире я не мог! А потому, взяв себя в руки, я с не меньшим ехидством переспросил:

– А ты, мой любопытный друг, не слишком ли... любопытна?.. Или ты не помнишь, что я делаю с чрезмерно любопытными?!!

Галочка немедленно поняла мой намек!

Дело в том, что около месяца назад она пожаловалась мне, что новый корреспондент из отдела экономической информации, Серега Скворцов, пристает к ней с нескромными вопросами. На следующий день я сам застал Серегу в приемной, когда он довольно наглым тоном выпытывал у бедной девушки, сколько «бой-френдов» было в ее короткой жизни и чем они ей нравились. После моей небольшой манипуляции двумя указательными пальцами Сереженька вдруг начал так за-а-а-икаться, что понять его не стало никакой возможности! Он сам не мог себя понять и настолько испугался, что мгновенно умолк с широко раскрытым ртом.

Подойдя к нему сзади, я наставительно произнес:

– Вот что бывает с чрезмерно любознательными людьми! Умерь свой нездоровый интерес и твое состояние нормализуется!

Сергей обернулся, взглянул мне в лицо полубезумными глазами и совершенно отчетливо, без всякого заикания, переспросил:

– Правда?..

– А ты разве сам не чувствуешь?.. – Поинтересовался я в свою очередь.

Серега прислушался к себе, удовлетворенно кивнул и, повернувшись к Галочке самым искренним тоном произнес:

– Простите меня, Галина Анатольевна, за мою... несдержанность и некорректные вопросы... Больше этого не повторится!..

Затем он быстро развернулся и покинул приемную. С тех пор Сергей, при встрече со мной как-то странно косит взглядом и старается прошмыгнуть мимо.

Галочка после моих слов, видимо, сразу же припомнила этот случай. Не говоря больше ни слова, выдвинула нижний ящик своего стола и принялась энергично в нем рыться.

Не более чем через пару минут она выпрямилась в кресле и протянула мне крошечного медвежонка, сделанного из золотисто-рыжего меха. В голову медвежонка между двух довольно больших, круглых ушей было вшито крошечное металлическое колечко к которому, по всей видимости, должно было крепиться кольцо для ключей. Я почти благоговейно принял в свои ладони этот мягкий ласковый комочек, и тут же услышал ехидный голосок Галочки:

– О-о-очень ценная вещь!.. Теперь ты никогда не потеряешь своих ключей и всегда будешь ходить с... оттопыренным карманом!..

Я перевел взгляд со своего подарка на лукавую галочкину физиономию.

– Это же женская игрушка, – добавила та, – для женской сумочки...

В последней ее фразе слышалась явная подначка, но меня она не задела. Вместо того, чтобы вступать в перепалку с девчонкой, я улыбнулся ей, засунул свой подарок в боковой карман пиджака и, помахав Галочке ладошкой, направился на свое рабочее место.

Вечером, вернувшись домой, я уложил медвежонка в нижний ящик стола, вместе с остальными своими «сокровищами».

Неделя эта тянулась для меня совершенно невыносимо, словно само Время решило испытать мое терпение, для чего практически остановилось. Мне казалось, что от рассвета до заката проходит две недели, я ложился спать в двенадцать ночи, а просыпался в четыре утра, прекрасно отдохнувший, словно проспал часов десять! Вдобавок к этому вокруг меня совершенно ничего не происходило – ну, то есть, абсолютно ничего!! Даже количество преступлений на бытовой почве сократилось впятеро, словно граждане сговорились не отвлекать меня от моего ожидания!!!

Но, наконец-то, эта невероятно длинная неделя прошла. На восьмой день я взял отгул и весь день просидел дома у телефона, подсмеиваясь сам над собой... Звонка не было. На девятый день я появился на работе, но, придумав еще по дороге на службу уважительную причину, почти сразу же вернулся домой к своему драгоценному телефонному аппарату... Звонка не было. На десятый день я решил обидеться и с утра отправился на работу, дав себе слово забыть об этом обещанном звонке – ну передумала девушка звонить! Подумала и... передумала! Не помню каким образом, но в два часа дня я уже снова сидел дома рядом с телефонным аппаратом.

Еще три дня я мужественно боролся сам с собой, а потом сломался и пошел на поклон к Галочке. Единственно на что хватило моих моральных сил – не слишком показать ехидной девчонке, насколько я удручен.

Поболтав о чем-то незначительном минут пятнадцать, я как бы между делом поинтересовался:

– А чтой-то твоей подружки больше не видно, – и, увидев ее недоуменный взгляд, добавил, – ну... как ее, то бишь, зовут?.. А, Людмила!

Глазка у Галочки округлилась, щечки вдруг побледнели и трагически прерывающимся голосом он выпалила:

– А ты что, ничего не знаешь?! Людмила же в больнице!! Она из деревни вернулась и в тот же день в больницу попала!!!

– Что с ней?.. – Враз севшим голосом прохрипел я.

– Я не знаю, – чуть спокойнее сказала Галочка, – но, вроде бы она в своей деревне чем-то... заразилась. Ну, сам знаешь, у нас так просто в больницу не положат! Тем более в центральную!!

Я развернулся и, не слушая, что там еще наговаривает словоохотливая секретарша, двинулся к выходу.

Как я оказался в нашей центральной городской больнице я не помню. В приемном покое, я спросил, дежурит ли сегодня Игорь Савельев – один из ординаторов и мой старый друг. К счастью он был на месте и почти сразу же вышел ко мне. Едва взглянув на меня, Игорь удивленно выдохнул:

– Что у тебя случилось?.. На тебе лица нет!!

Я постарался взять себя в руки и возможно спокойным тоном проговорил:

– Слушай, Игорек, я разыскиваю девушку, ее зовут Людмила и она, вроде бы должна лежать в вашей больнице... Ее положили дней шесть назад, с подозрением, что она чем-то заразилась в деревне...

Игорь как-то странно взглянул на меня и спросил:

– А фамилию ее ты не знаешь?..

Я отрицательно помотал головой, удивляясь тому, какие мелочи его интересуют. Вместо фамилии я добавил:

– Она очень... ну, очень красива!!!

Игорь вздохнул и отвел глаза.

– Кто она тебе?.. – В его вопросе слышалась какая-то обреченность. Я ответил немного растерянным тоном:

– Никто... Просто знакомая...

Он бросил на меня быстрый взгляд и тем же, странно обреченным тоном проговорил:

– К нам действительно поступила девушка... Людмила Русакова... – Новый быстрый взгляд в мою сторону, – Действительно... э-э-э... довольно симпатичная... Но к ней никого не пускают...

– Она что, без сознания?! – воскликнул я, через силу пропуская мимо ушей его пренебрежительное «довольно симпатичная».

Игорь пожал плечами:

– Она в сознании, вроде бы, но никого не узнает, – он снова взглянул мне в глаза и уточнил, – ... даже мать, не узнает...

Наверняка он хотел сказать еще что-то, но я его перебил:

– Слушай, Игорек,пусти меня к ней!.. Она меня узнает!.. Я тебе точно говорю – она меня узнает!!

– Да не могу я тебя к ней пустить! – с неожиданной яростью воскликнул Игорь, – Я не решаю такие вопросы!!

– А кто решает?! – немедленно поинтересовался я.

– В данном случае решает даже не заведующий отделением, – чуть спокойнее ответил Игорь, – в данном случае решает главврач больницы!

– Ага... – медленно протянул я, в моей голове немедленно сложился план. Быстро и может быть слишком небрежно кивнув своему другу, я развернулся и бросился обратно в редакцию.

Через двадцать минут я уже был в кабинете нашего главного редактора.

Савелий Петрович поднял глаза от заваленного бумагами стола и, увидев мой горящий вдохновением взгляд, поднял очки на лоб. Этот немудреный жест вдохновил меня еще больше, поскольку было известно, что если очки Савелия Петровича переехали на лоб, он готов вас выслушать очень внимательно.

– У меня есть тема для журналистского расследования! – С порога выпалил я.

– Ну-ну... – подбодрил меня Савелий Петрович.

– Я хочу проверить связи нашей областной медицины и криминального мира!

Брови нашего главного удивленно поползли вверх.

– Ты думаешь, такая связь есть?.. – Спросил он и с некоторым сомнением хмыкнул.

– Я ничего не буду сейчас утверждать, – осторожно, но с прежним энтузиазмом ответил я, – но возможность получения наркотиков, необходимость скрытно залечивать последствия своих... э-э-э... разборок, в конце концов, возможность при нужде отлежаться за стенами больницы – все это неизбежно должно вызвать интерес криминального мира к контактам... и плотным контактам... с медициной!

– Хм... – снова хмыкнул Савелий Петрович, на этот раз с пробудившимся интересом. – С чего ты думаешь начать?..

– Да хотя бы с интервью, которое я намереваюсь взять у главного врача нашей центральной больницы! Совершенно безобидное интервью, которое поможет мне ненавязчиво поставить все эти вопросы и, в зависимости от полученных ответов строить свою дальнейшую работу...

Савелий Петрович хотел было что-то мне возразить, но я, угадывая его возражение, торопливо добавил:

– Я хочу начать разговор не с медицинским чиновником, который знает что и как ответить на мои вопросы, а именно с практикующим врачом высокого ранга, который к тому же хорошо знает ситуацию в отрасли в целом!

«Молодец! – Тут же мысленно похвалил я сам себя, – хорошо излагаю!!»

– Угу... угу... – задумчиво пробормотал себе под нос Савелий Петрович, пробарабанив пальцами по столешнице некий замысловатый марш, – так какая тебе нужна помощь? Может, возьмешь кого-нибудь из нашего отдела здравоохранения?..

Я скорчил недовольную рожу, и Савелий Петрович тут же неодобрительно покачал головой:

– Сколько раз я тебя просил не корчить рож!

– Это – непроизвольно! – Извинился я. – Нет, Савелий Петрович, никого мне в помощь не нужно, а вот редакционное задание я хотел бы получить... Ну а если вы сможете предварительно позвонить главному врачу!.. – Я развел руками. – Тогда мне, конечно же, будет гораздо проще!..

– Ну, задание Галочка сейчас напечатает, а звонок... – Савелий Петрович внимательно посмотрел мне в лицо. – Когда ты собираешься заняться этой темой?

– Так прямо сейчас и займусь, – воскликнул я, – благо за мной ничего серьезного не висит!

– Иди, готовь задание, а я попробую связаться с главврачом... Как там у нас выглядит его телефон...

Савелий Петрович потянул из верхнего ящика стола телефонный справочник руководства города, а я выскользнул в приемную.

Галочка подняла на меня свои прищуренные любопытством глазки, но я хлопнул в ладоши и громко скомандовал:

– Работаем, Галочка, работаем!..

Наш доблестный секретарь умело скрыла свое разочарование, делово уложила в подающий лоток принтера пачечку бумаги, и спустя пять минут я получил на руки редакционное задание. Спустя еще две минуты Савелий Петрович подписал сей документ и довольно проворчал мне в след:

– Приятно видеть тебя, Володя, в таком настрое!.. Всегда бы так!

Полчаса спустя, я сидел в кабинете главного врача нашей центральной больницы и вел светский разговор о проблемах отечественной медицины на всем пространстве нашей огромной России. Впрочем, разговор это продолжался недолго, Степан Тимофеевич посмотрел на часы и задал прямой вопрос:

– Так о чем вы хотели меня расспросить?.. Савелий Петрович сказал, что у вас имеется несколько вопросов касательно... э-э-э... областной медицины. – Тут он внимательно посмотрел на меня и добавил, – хотя, мне кажется, вопросы ваши лучше было бы адресовать кому-нибудь из облздрави.

– У меня достаточно знакомых в облздраве, – улыбнулся я в ответ, – и мне, к сожалению, очень хорошо известно, что они ответят на все мои вопросы... Если поймут их!

– А что, ваши вопросы очень... заковыристы?.. – Улыбнулся в ответ Степан Тимофеевич.

– Это вам решать... – я посерьезнел. – Ну, вот, хотя бы, такой... Часто ли вам приходится сталкиваться с заболеваниями, причина которых вам непонятна, симптомы противоречивы, а стратегия лечения неизвестна?!

– Что-то вроде... N-ского феномена?.. – Задумчиво глядя на меня переспросил Степан Тимофеевич.

Да-а-а, N-ский феномен был мне очень хорошо знаком – неизвестно откуда появлявшиеся в N-ском районе нашей области эпидемии гриппа и ОРЗ, отягощенные всякими другими немощами, типа легочной лихорадки и энцефалита! Именно из-за них мне пришлось совершить свой последний поход в иной Мир! Именно там я свел знакомство с Блуждающей Ипостасью сияющего дана Тона, вольным даном Каем, или по-другому Фриком, с багряной драконицей... или драконихой... или... короче, с драконом женского рода, бывшим истинным виновником этих самых эпидемий!!

Вздохом подавив свои воспоминания, я отрицательно покачал головой.

– Нет, в N-ском районе возникали заболевания, хорошо знакомые нашей медицине, а я говорю о недугах неизвестных... непонятных.

Взгляд Степана Тимофеевича вдруг стал острым... подозрительным.

– Вам что-то известно?.. – негромко спросил он, пристально глядя прямо мне в глаза.

– Только то, что некая Людмила Русакова помещена в вашу больницу со странным, непонятным заболеванием... – Я сделал паузу и, прикинувшись принявшим неожиданное решение, продолжил, – Хорошо, я вам расскажу все, только обещайте никого в это дело не посвящать до публикации моего материала в газете...

На мой требовательный взгляд главврач ответил коротким энергичным кивком, после чего я начал фантазировать.

– Видите ли, Степан Тимофеевич, я, как вам возможно известно, занимаюсь в газете криминальной хроникой. В мои обязанности входит и проведение журналистских расследований в той же области... э-э-э... человеческой деятельности. Уже около года меня занимает вопрос... – сделанная мной крошечная пауза, показала Степану Тимофеевичу, что именно сейчас прозвучит главное, – ...нелегального распространения наркотиков, причем, наркотиков новых, недавно разработанных! Тема эта сложная, деликатная и... достаточно опасная, так что работаю я очень осторожно. Но, тем не менее, информации по этому вопросу у меня довольно много. Так вот, месяца три назад я узнал, что на нелегальном рынке наркотиков нашей области появился некий новый вид этого зелья.

Тут Степан Тимофеевич несколько иронично хмыкнул, но ничего не сказал, хотя я приостановил свою речь, давая ему возможность высказаться. Поскольку он промолчал я продолжил свою фантазию:

– По моим сведениям, человек, попробовавший этой дряни, впадает в некоторое подобие комы... или, вернее, прострации. Он вроде бы пребывает в сознании, но никого не узнает... Он не разговаривает, не спит, ест и пьет, только если его заставят это делать.

Лицо Степана Тимофеевича становилось все более ироничным. Наконец он меня перебил:

– Не знаю, откуда у вас такие сведения, но, поверьте опытному человеку, вас ввели в заблуждение. Наркотика с описанными вами видами воздействия на человека не существует! У меня в больнице действительно находится девушка с симптомами, похожими на описанные вами, но наркотического отравления у нее точно нет, за это я ручаюсь.

– То есть?.. – переспросил я.

– То есть, нами проведены тщательные и всеобъемлющие исследования на предмет наличия в ее организме наркотических веществ – таковых не оказалось!

Я помолчал, напустив на себя глубокомысленную задумчивость, а затем попросил:

– А вы могли бы мне ее показать?..

Степан Тимофеевич легко пожал плечами и вдруг... согласился:

– Хорошо!.. Только обещайте мне ничего не сочинять и не приписывать моей пациентке... э-э-э... какого-либо вида наркомании!

– Если я буду писать на эту тему, я обещаю предварительно ознакомить вас с полным текстом публикации! – Произнес я заготовленную фразу, похожую на клятву.

Главврач наклонился к допотопному селектору и, нажав на клавишу, громко проговорил:

– Светлана Дмитриевна, пригласите ко мне, пожалуйста, Игоря Васильевича...

Через пару минут в кабинет вошел Игорь Савельев и удивленно уставился на меня. Степан Тимофеевич, не заметив этого удивления своего подчиненного, обратился к нему:

– Познакомьтесь, Игорь Васильевич, это – корреспондент нашей центральной областной газеты Владимир Сорокин...

Игорь бросил быстрый взгляд на своего шефа и затем коротко мне кивнул, словно принимая к сведению полученную информацию. Он явно не желал афишировать наше знакомство.

– Я вас попрошу, – продолжил Степан Тимофеевич, – проводить его в семнадцатый бокс и рассказать все, что можно о находящейся там пациентке.

Он, выразительно глядя в лицо Игоря, приподнял свои густые брови, и я понял, что информацию получу скудную. Но я, достаточно хорошо зная медицинскую среду, на особые откровения и не рассчитывал.

Игорь кивнул теперь уже своему шефу и снова повернулся ко мне:

– Прошу за мой!..

Я выбрался из гостевого кресла и, коротко поклонившись главврачу, проговорил:

– Спасибо за помощь, Степан Тимофеевич... Как только материал будет готов, я вам позвоню.

Когда мы вышли из кабинета и миновав приемную оказались в больничном коридоре, Игорь, шагавший чуть впереди, тихо, сквозь зубы, процедил:

– Ну, ты, Володька, мастер!.. Как тебе удалось так быстро Тимофеича уломать?..

– Пожилые люди, Игорек, в отличие от молодых людей, все еще с уважением относятся к представителям прессы.

Мой тон был достаточно легкомысленным – я вдруг почувствовал некую странную заинтересованность Игоря в... моей Людмиле! И словно подтверждая пробудившуюся во мне настороженность, Игорь все так же тихо добавил:

– И что она тебе далась, эта Людмила?! Ничего в этом случае особенного нет – травнулась, видимо, девочка грибочками... День-другой и мы ее поставим на ноги!..

– Я не сомневаюсь в могуществе нашей медицины! – Самым доброжелательным тоном отвечал я. – Но вот Степан Тимофеевич мне сказал, что никаких наркотических и токсических веществ в организме этой девушки не найдено... Так что похоже, причины заболевания девушки кроются в чем-то другом!

– Уж не рассчитываешь ли ты обнаружить эти причины, – сказал Игорь чуть громче и с явными признаками иронии, – Ты что, решил заделаться «народным целителем»?!

С этими словами он остановился возле узкой белой двери и, обернувшись, посмотрел мне в лицо. Взгляд у него был недобрый, но мне сейчас было не до размышлений о том, на какой «мозоль» я ему наступил своей настойчивостью. За этой дверью, похоже, лежала Людмила, и мне не терпелось ее увидеть. Потому я, не дожидаясь новых рассуждений о своем нахрапистом поведении, сухо поинтересовался:

– Может быть мы уже войдем?!

Игорь молча потянул за дверную ручку.

За дверью оказался небольшой тамбур, из которого одна, чуть приоткрытая, дверь вела в туалет, а вторая, плотно притворенная, в палату. Игорь остановился в этом тамбуре и, повернувшись ко мне, жестко прошептал:

– Никаких разговоров, никаких расспросов, никаких резких движений. Только посмотришь и все!!

«Ага... Как же!..» – подумал я, но вслух ничего не сказал.

Выдержав многозначительную паузу, бравый ординатор отвернулся и открыл передо мной дверь. Я шагнул внутрь.

В крошечной, выкрашенной белой краской комнатке стояла огромная железная больничная кровать, на которой лежал кто-то, до самых глаз прикрытый одеялом. Справа от изголовья кровати расположилась маленькая тумбочка с отломанной дверкой, а слева высокая металлическая этажерка, заставленная совершенно незнакомой мне медицинской аппаратурой. В ногах кровати стоял странный высокий стул, на котором восседала пожилая толстая женщина с добрым, румяным лицом. Как только я вошел, она подняла на меня внимательный взгляд, а затем с неожиданной для ее комплекции быстротой вскочила со стула и бросилась мне наперерез, громко шепча:

– Сюды нельзя!.. Здеся бокса, посетителям здеся делать нечть!!!

Из-за моего плеча выплянул Игорь и таким же драматическим шепотом пояснил:

– Тетя Глаша, ему Степан Тимофеевич разрешил!!!

Но я даже не повернул головы в сторону перешептывавшегося медицинского персонала – я не мог оторвать взгляда от ярко-синих обесмысленных глаз, уставившихся на меня из-под темных бровей! Словно притягиваемый этим взглядом, я шагнул вперед и прошептал:

– Людмилушка, что с тобой?!

– Ничего... – донесся безразличный голос, приглушенный одеялом, прикрывавшим нижнюю часть лица девушки.

– Как ты себя чувствуешь?! – Чуть громче и настойчивее проговорил я.

– Ничего... – ответил тот же безразличный голос.

– Что у тебя болит?!! – Еще настойчивее переспросил я, и вдруг почувствовал, что меня дергают за рукав.

– Ничего... – в третий раз произнесла Людмила своим мертвым голосом.

Меня снова дернули за рукав и я невольно обернулся.

– Я тебя предупреждал, чтобы ты молчал!!! – Прошипел Игорь, сверкая глазами и прищамкивая перекошенным от ярости ртом, – ты что, хочешь чтобы она проснулась?!!

– А разве она спит?!! – удивленно переспросил я.

Но ответа на свой вопрос я не дождался. Игорь вдруг ухватился за мой рукав чуть пониже плеча и с невероятной силой потащил меня прочь из палаты, на ходу громко прошепав:

– Тетя Глаша, выйди со мной!..

В две секунды мы все оказались в больничном коридоре!

Резко повернув меня лицом к себе, Игорь заговорил в полный голос:

– Я же просил тебя не вести никаких разговоров!!!

– Почему ты сказал, что она может проснуться?!! – В свою очередь рявкнул я. – Она смотрит, говорит, где же здесь сон?!!

Толстая тетя Глаша, прижавшись широкой спиной к закрытой двери бокса, переводила глаза с меня на Игоря, но пока что не вступала в нашу перебранку, хотя я почувствовал ее острое желание вмешаться, и отнюдь не на моей стороне... и отнюдь не только словесно. Но в этот момент Игорь вдруг заговорил значительно спокойнее:

– Да, как это тебе не покажется странным, она спит! Все процессы в ее организме замедлены, запись работы мозга показывает, что он тоже находится в спящем состоянии. Более того, создается впечатление, что эта девушка наполовину... мертва!

– Как это мертва?!! – Враз осевшим голосом переспросил я.

– А так! – снова повысил голос Игорь, почувствовав мою растерянность, – она совершенно неподвижна, чувствительность кожи практически отсутствует, глаза не реагируют на свет...

– Но она же видит!.. – попробовал спорить я.

– Да, она видит, – неожиданно согласился Игорь, – как это ни странно звучит. Но если ей в глаза направить яркий свет, они никак на него не реагируют... И вообще...

Тут он вдруг замолчал и после секундной паузы спросил:

– Да кто она тебе?!!

Поскольку вопрос был для меня совершенно неожиданным, я ответил не раздумывая:

– Люблю я ее...

Ответ мой прозвучал настолько правдиво, что тетя Глаша тихо охнула:

– Бедненький!..

А Игорь задумчиво протянул:

– Да-а-а...

С минуту мы стояли молча, а затем Игорь вздохнул:

– Я, конечно, понимаю... но пойми и ты меня. Сейчас твоя... э-э-э... девушка находится под моей ответственностью. Если с ней что-то случится, с меня голову снимут. Тетя Глаша не просто так в палате дежурит. Так что...

Он выразительно пожал плечами, а я согласно кивнул:

– Да... я понимаю...

Мы еще с минуту помолчали, а затем я совершенно несвойственным мне жалобным голосом попросил:

– Пустите меня к ней еще на минуту!.. Я ни слова не скажу... Я даже дышать не буду!..

Игорь и тете Глаша переглянулись, и Игорь снова вздохнул:

– Ладно, заходи... Только смотри – ты обещал!

Тетя Глаша отлепилась от двери палаты и, развернувшись, открыла ее. Медработники тихо, стараясь даже не шуршать подошвами по линолеуму двинулись внутрь палаты, а вот я слегка задержался. Мне пришло в голову, что я увижу гораздо больше, если воспользуюсь Истинным Зрением, а для его активизации, нужно было прочитать заклинание.

Когда я следом за своими провожатыми снова появился в боксе, меня снова встретил взгляд синих глаз, но теперь в нем читалась мысль... тревожная мысль. Мне показалось, что Людмила пришла в себя, узнала меня и... испугалась! Только вот, чего она испугалась!

Я уже собирался снова шагнуть ближе к кровати, но меня властно ухватили за плечо, удерживая на месте. Я оторвал взгляд от синих глаз и оглядел укутанную в легкое одеяло фигуру...

И тут, словно разряд тока проскочил по моему позвоночнику – тело лежащей на кровати девушки было лишено привычного, хорошо видимого в Истинном Зрении ореола, ауры!! Впрочем, нет. Спустя секунду я уловил едва заметное красноватое мерцание, едва просачивавшееся сквозь накрывавшее тело одеяло. Судя по этому мерцанию, Людмила... умерла... или умирала. Во всяком случае назвать ее живой – все равно, спящей или бодрствующей, было уже нельзя!

Но ее глаза продолжали смотреть странным, осмысленным взглядом!.. И она минуту назад мне отвечала!! Значит!..

Что это могло значить я никак не мог понять, а меня уже снова «повлекли» прочь из палаты.

Я не помню, как оказался в коридоре. Игорь, встряхивая меня за плечи, приговаривал:

– Да очнись ты, что с тобой!..

Увидев, что я пришел в себя, он отпустил мои плечи и выдохнул:

– Ну ты меня и напугал!.. Я уж думал, ты прямо возле ее кровати грохнешься!

Я тряхнул головой, отгоняя остатки беспамятства, и улыбнулся через силу:

– Ничего со мной не будет... Ты лучше скажи, как вы Людмилу лечите?

Игорек пожал плечами и отвел глаза:

– Мы ее... кормим, сама она есть, похоже, разучилась... Ну и... успокаивающее иногда колем. Степан Тимофеевич почему-то считает, что ее состояние – явно депрессивное, может вдруг перейти в буйство. Хотя...

По его чуть скривившейся физиономии было видно, что он не согласен с мнением своего шефа, но вынужден молчать.

Делать в этой больнице мне больше было нечего, поэтому я, вздохнув, медленно проговорил:

– Знаешь, я, пожалуй пойду... Мне надо подумать... Завтра я постараюсь прийти с утра, и тогда, может быть, смогу сказать тебе что надо делать.

– С каких это пор ты заделался врачом? – С насмешливым высокомерием поинтересовался Игорь, но я, очень серьезно взглянув ему в глаза, ответил:

– Никаким врачом я не заделывался. Просто в данном случае, мне кажется, мы имеем дело совсем не с врачебной проблемой.

– Да?! А с какой же?!

В голосе Игоря все еще сквозила насмешка, хотя он явно насторожился.

– С... колдовством!

И тут я увидел, как его только что возникшая настороженность мгновенно растаяла, а губы раздвинулись в усмешке.

– Вот как?! С колдовством?! Значит ты думаешь, что сумеешь снять эту... э-э-э... навешенную порчу?!!

И он поводит перед своей грудью ладонями, изображая пассы.

– Я попробую, – с самым серьезным видом кивнул я, – завтра... Если ты сумеешь провести меня к ней в палату. Заодно, сможешь понаблюдать, как работает «потомственный маг»!

И не дожидаясь новых его шуточек, я развернулся и потопал по коридору к выходу из больницы.

Остаток этого дня я пробыл дома, пытаюсь осмыслить то, что увидел в больнице, но ничего дельного мне в голову не приходило. Наконец, чуть ли не в полночь, я вдруг подумал, что было бы хорошо узнать, куда это Людмила ездила – где именно живет ее бабушка. Возможно свою «болезнь» она привезла оттуда!

Отыскав в своей записной книжке давно забытый номер домашнего телефона Галочки, я подвинул к себе аппарат. Мне повезло, Галина сняла трубку после второго гудка и совсем не сонным голосом проворковала:

– Ну разве можно заставлять девушку так долго ждать?..

– А ты ждала моего звонка?.. – С наигранным удивлением поинтересовался я, после чего она совершенно другим тоном спросила:

– Володька?.. Тебе чего надо в такую пору, я уже легла!..

– Да неужели?! – не удержался я, но тут же взял себя в руки, – Я и не собираюсь тебя... э-э-э... доставать из постели. Скажи только, ты знаешь куда именно ездила Людмила?

– Когда?.. – переспросила наша разумница-секретарша, явно не понимая вопроса.

– Да недели две назад, – подсказал я ей.

– А-а-а... – протянула она, – К бабушке к своей!..

– А где именно эта бабушка обретается?! – Нетерпеливо воскликнул я.

– Ты что, теперь и бабушкой ее заинтересовался?.. – Съехидничала Галина.

Но я не принял ее игры.

– Если ты хочешь спокойно спать этой ночью, ты скажешь мне бабушкин адрес! – Рывкнул я в трубку. – Иначе твой телефон будет занят всю ночь!!

Тут она видимо вспомнила, что ей должны звонить, а потому быстро и делово доложила:

– Люська ездила во Всесвятский район, в деревню Лосиха. А бабушка у нее – ведьма!! После чего сразу же положила трубку.

Я посидел за столом еще минут двадцать, а потом решил, что утро вечера мудренее и, может быть поутру мне в голову забредет какая-нибудь дельная мысль. Быстро раздевшись, я нырнул под одеяло и...

Заснуть я не успел, раздался звонок телефона. Едва я снял трубку, как на том конце провода раздался злой голос Игоря:

– Ну что, колдун потомственный, добился своего?!

– Чего я добился?.. – Несколько оторопело поинтересовался я.

– Чего... чего!! – Передразнил меня Игорь. – Сбежала твоя девочка!!

– Как – сбежала?! – Воскликнул я.

– Тебе лучше должно быть известно, ты ж у нас маг!! – В тон мне рявкнул Игорь и вдруг совершенно безнадежным голосом добавил. – Тетя Глаша... ну, санитарка, ты ее видел... Она все время в боксе у Людмилы была. В двенадцать часов я пошел обход делать и заглянул к ней. Так вот, тетя Глаша сидит на своем стульчике с открытыми глазами, но явно без сознания, знаешь, словно ее... загипнотизировали, а Людмилы в кровати нет! И нигде ее нет!! И никто не видел, чтобы она выходила из больницы!!!

К концу своей тирады он снова дошел почти до крика, но я его уже не слушал. Мне в голову наконец-то пришла дельная мысль... Вот только не опоздала ли она!

Все было предельно просто. Людмилу лишили ее «я», ее сути, если хотите, ее души. Разделили тело и душу. Тело оставили там, где это случилось, а душу сманили... или украли! И вот теперь ее душа позвала к себе ее тело. А зов души, сами знаете, превозмочь невозможно!

Если человека просто похитить – это будет уголовно наказуемым делом. А вот если похитить его суть, то все что происходит потом будет выглядеть, как добровольные действия этого человека. И никто не докажет, что он, вернее его тело, действует по принуждению... По непреодолимому принуждению! Вот так!!

В первый момент я растерялся, но тут же словно что-то толкнуло меня изнутри:

«Всесвятский район, деревня Лосиха!»

Вот где все началось! Вот где надо было перехватывать Людмилу и искать черного мага, искалечившего ее!!

Спустя полчаса я был на вокзале.

Глава вторая

*Если с другом вышел в путь,
Если с другом вышел в путь...*
(Песенка из мультфильма)

Если друг оказался вдруг...
(Песенка из кинофильма)

*Я бы двух врагов отдал за друга,
А за двух друзей и шестерых...*
(Так... Мурлычу себе под нос...)

Во Всесвятск электричка прибыла около трех часов ночи. Выйдя на абсолютно пустую и удивительно холодную для этого времени года привокзальную площадь районного городка, я самым тщательным образом проштудировал расписание всех отходивших с нее автобусов. Направлялись они в самые разные населенные пункты небольшого Всесвятского района, однако деревни Лосихи среди этих населенных пунктов не было!

Закончив восьмой круг по площади, я направился в здание вокзала и после долгих поисков обнаружил-таки дверь, несущую на себе небольшую табличку с надписью «милиция». За дверью располагалась крошечная комната, разделенная зачем-то узкой деревянной стойкой, за которой кимарил, сидя на мягком, чуть продавленном стуле, старший лейтенант. Когда я постучал по стойке ногтем, он поднял голову с взъерошенными волосами, открыл один глаз, сурово посмотрел этим глазом на меня и глухо проворчал:

– Чего надо?..

– Надо мне добраться до деревни Лосиха... – самым дружелюбным тоном отвечал я.

– Ну и добирайся!.. – Проворчал доблестный страж порядка, закрывая глаз и снова откидываясь на скрипнувшую спинку стула.

– А вы не сможете мне подсказать, каким образом можно это сделать?.. – Еще дружелюбнее спросил я.

Старлей снова распахнул свой глаз и взглянул на меня гораздо суровее, словно бы моя непонятная настойчивость рассердила его.

– А зачем тебе в Лосиху?.. – спросил он после секундной паузы, – что ты там оставил?..

– В этой самой Лосихе живет бабушка моей... э-э-э... невесты. – Самым дружелюбным тоном пояснил я, – вот, хочу пригласить ее на свадьбу.

– Бабка из Лосихи – бабушка твоей невесты?! – Удивился почему-то страж порядка, и его глаза неожиданно широко распахнулись, – И как ее зовут?!

– Как зовут бабушку, не знаю, а невесту зовут Людмила... – проговорил я, и старший лейтенант тут же подхватил мои слова:

– Людмила?! Значит, тебе бабка Варвара нужна?.. Ну, парень, повезло тебе!

По его, ставшему вдруг дружеским тону, я понял, что слово «повезло» надо понимать в кавычках! Однако, требовать объяснений по поводу своей «будущей родственницы» я не стал. Вместо этого я снова спросил:

– Ну, так как мне до Лосихи-то добраться?!

Старлей покачал головой и ухмыльнулся:

– Да не ездят ты ни в какую Лосиху!..

– Почему?.. – удивился я.

– Все равно бабка Варвара никуда не поедет... А то, глядишь, и ты из этой Лосихи не выберешься... – Он снова ухмыльнулся, на этот раз... загадочно, – место там такое – погостишь, погостишь, и сам уезжать не захочешь!

– А я все-таки попробую!.. – Усмехнулся я в ответ. – Неужто, с родной бабулей не договорюсь?!

– Ну, смотри, – милиционер вдруг стал совершенно серьезным, – потом не говори, что тебя не предупредили!

Он посмотрел в окно на пробуждающуюся площадь и надел фуражку, став совсем уж официальным.

– Значится так, гражданин... э-э-э... жених! Сядете на автобус до села Степанчиково. Выйдете у Гнилого разъезда, а дальше до самой Лосихи пешком... Там, правда, недалеко – всего-то километров восемь... Надеюсь, не заблудитесь, ну а в случае чего – звоните. Телефон-то имеется?..

– Имеется... – в тон ему ответил я.

– Ну, вот и звоните! – Повторил старлей и снова отвернулся к окну, давая понять, что разговор закончен.

Я опять оказался на привокзальной площади, и снова принялся обходить автобусные остановки. Третья из них имела маленькую желтую вывеску с надписью «Автобус № 12-а. Вокзал – село Степанчиково». Только вот расписания эта вывеска не содержала, так что сколько мне предстояло дожидаться этого самого «№ 12-а» было непонятно.

Впрочем уже минут через пятнадцать рядом со мной остановилась тетенька средних лет. Посмотрев на меня странным, настороженным взглядом, она спросила чуть хрипловатым голосом:

– На «двенадцать-а» вы последний?..

– На «двенадцать-а» я первый... – с улыбкой ответил я, – а вот вы – последняя!

Женщина кивнула и отвернулась с таким видом, словно ей было противно на меня смотреть. Несколько минут мы молчали, а затем она снова повернулась в мою сторону и неожиданно спросила?

– А вам точно нужен «двенадцать-а»?!

Не показав своего удивления, я ответил:

– В местной милиции мне сказали, что именно на этом автобусе я смогу добраться до... э-э-э... Гнилого разъезда!

Тетенька вдруг вскинула руку к лицу и прижала дрогнувшие пальцы к губам, как будто прихватывая ненужный вскрик. С минуту она смотрела на меня округлившимися глазами, а затем прошептала сквозь прижатые пальцы:

– Милок, и зачем же это тебя к Гнилому разъезду-то несет?!!

– Вообще-то... тетенька, я добираюсь до деревни, называемой Лосиха, – пояснил я, не обращая внимания на ее испуг и удивление. – А Гнилой разъезд, как мне сказали, самая близкая к этой деревне остановка автобуса.

– А дорогу от переезда до Лосихи ты хорошо знаешь?.. – гораздо спокойнее, но с каким-то, я бы сказал, нездоровым интересом спросила тетенька.

– Да совсем не знаю! – Беспечно ответил я и, чуть отвернувшись, быстро нашептал заклинание «Сказанной вслух мысли».

– Ага... – пробормотала тетенька в ответ на мое признание и в свою очередь отвернулась, сделав вид, что высматривает автобус. А в моей голове быстро побежали чужие мысли...

«Интересный паренек!.. В Лосиху, говорит, едет, а дорогу-то выбрал окольную... Или в самом деле не знает, куда голову сует?! А может он и впрямь издалека?.. Только вот откуда он взялся здесь в четыре-то часа утра?.. Первым автобусом у нас только местные ездят...»

Тут звонкая ниточка ее мысль на мгновение прервалась, и тетенька быстро взглянула на меня.

– Сам-то, чай, не местный?.. – ее тон стал не только совершенно спокойным, но даже, пожалуй, ласковым, – Чай, из города... по одеже судя?!

– А Всесвятск, что ж, по-вашему, уже и не город?.. – С усмешкой переспросил я. – Да и мало ли где я мог «одежу» себе купить!

– Купить-то и впрямь, где угодно можно, – в свою очередь усмехнулась тетенька, – а вот носить!.. Одень нашего мужичка в такую узкую одежду, он извертится весь. А ты, вон, как будто родился в ней!..

– Ну что ж, тетенька, – посерьезнел я, – ты точно угадала – я не местный... Так подсказала бы неместному-то, как лучше до Лосихи добраться?!

Последовал еще один быстрый взгляд, а затем она начала задумчиво рассуждать:

– Ну-у-у... Вообще-то, если ты ехал сюда на электричке, то тебе надо было выйти на платформе «Окалиха», это за две остановки до Всесвятска, а оттуда на шестом автобусе доехать до Шестопалово. Из Шестопалово тебя могли довезти на молоковозе до развилки, а от развилки до Лосихи всего-то километров двенадцать...

– А от Гнилого разъезда – восемь! – Перебил я ее.

– Верно, восемь, – неожиданно легко согласилась тетенька, – зато каких!..

Она снова пристально посмотрела на меня и добавила:

– Тут-то каждый километр за три считать можно! Особенно, если дороги не знаешь...

– Ну, тетенька, – вздохнул я, – теперь поздно рассуждать, как да что. Теперь я поеду, как мне милиция подсказала...

«Тетенька» пожала плечами и отвернулась, а произнесенное мной заклинание снова подхватило чужую невысказанную мысль:

«Чужой паренек... И, похоже, здесь его никто не знает!.. Хотя в Лосиху-то он не просто так едет, а к кому-то... по делу... Интересно, к кому?.. И зачем?.. И... если он, допустим, не доберется до Лосихи, будет ли кто его разыскивать?.. И кто именно?..»

Опять последовал быстрый взгляд в мою сторону, но я сделал вид, что не заметил его, и чужая мысль снова быстро потекла через мое сознание:

«Спросить нешто?.. Нет, вопрос его может насторожить. Надо в разговоре, окольно на это навести!.. А там, глядишь, и самой заняться им можно будет!..»

Однако завести «окольный» разговор тетеньке не дали, к остановке подошли еще два парня, один из которых, мазнув безразличным взглядом по моей фигуре, с усмешкой буркнул в сторону моей попутчицы:

– Хм... Что, тетя Клава, снова в Волчий лес за грибами собралась?.. Чужая слава покоя не дает?!

– Да нет, милоч, – оскалилась в ответной улыбке тете Клава, – Я в Рогозино еду, подружку свою проведать.

– Подружку проведать?.. – заинтересованно переспросил парень, – я что ж без гостинца? Или по дороге собираешься кого-нибудь... ха-ха... прихватить?..

Я вышел на пару шагов из-под навеса, показывая всем своим видом, что чужие разговоры меня не интересуют, однако, на самом деле и разговоры местного населения и его мысли меня крайне заинтересовали.

Было около пяти утра, когда к нашей остановке подкатил небольшой старенький автобус. Народу на остановке прибавилось, но внутри автобуса все разместились достаточно комфортно. Сам водитель собрал с пассажиров деньги за проезд, и минут через пятнадцать автобус тронулся.

Тетенька Клава, то ли случайно, то ли нарочно, оказалась рядом со мной, но первые пятнадцать-двадцать минут, пока автобус катил по улочкам просыпающегося города, она

помалкивала. А вот когда последние домики районного городка остались позади, тетя Клава, чуть подтолкнула меня в бок и негромко проговорила:

– Слушай, приезжий, хочешь, поедem со мной до Рогозина, а там я тебе подскажу, как до Лосихи дойти. Оттуда, конечно, подальше топать, чем от Гнилого разъезда, зато дорога по лугам да полям идет, в лес заходить не надо будет!

– Хм... – раздумчиво протянул я, а про себя подумал:

«Точно парень сказал... „Тетенька“ по дороге „кого-нибудь“ собирается прихватить... в качестве „гостинца“!»

В другое время я может быть согласился бы «прогуляться» с тетенькой-ведьмой, посмотреть, что она будет делать, когда окажется, что ее «гостинец» с зубами, но сейчас... Мне было катастрофически некогда, а потому я со вздохом ответил:

– Нет, тетя Клава, нет у меня свободного времени по полям и лугам гулять... тороплюсь я.

– И куда ж это ты, молодец, торопишься? – Чуть ли не пропела она, – или тебя кто в Лосихе ждет?..

– Бабка Варвара ждет!.. – Со значением ответил я.

Тетка Клава посмотрела на меня стеклянным глазом, отодвинулась и замолчала. С этого момента ничто не мешало мне наслаждаться окружающим пейзажем! Ну, вы сами знаете, какие пейзажи в нашей области: пока там березки, сосенки да озимые хлеба – душа радуется, а как только какое строение покажется – так прямо хоть плюнь!

Минут через двадцать автобус свернул с бетонки на грунтовку, и болтать нас стало как рыбацью лодку в цунами. Раза два мне казалось, что автобус вот-вот перевернется вверх колесами, но он вопреки законам физики продолжал оставаться на плаву, а может быть у него просто днище было утяжеленное... сильно!

Однако, минут через десять цунами сменилось легким бризом и автобус наш пошел ровнее. По обе стороны от дороги, за замусоренными донельзя обочинами, поднялись высокие черные ольховые стволы, переплетенные тонкими рябинками и подпертые снизу непроходимыми зарослями бузины. Проехав по этому сумрачному коридору километра два, автобус остановился и тетка Клава поднялась со своего места. Прежде чем покинуть транспортное средство, она глянула на меня одним глазом, как разозленная сорока, и неожиданным басом буркнула:

– Бабке Варваре привет передавай! Скажи, Клавка кланяться приказала!..

Вместе с ней из автобуса вышло еще человек пять, так что в машине стало совсем свободно, вот только пейзажей за окном не стало совершенно. Черный, мрачный лес подступил, казалось, к самым колесам автобуса, и даже рокот двигателя, прежде такой басовитый и уверенный, стал вдруг тоненьким и... жалобным.

И вот, когда мрачная чашоба стала уже совершенно невыносимо мрачной, а черные неподвижные кроны деревьев совершенно скрыли небо над автобусом, он остановился, и водитель, не оборачиваясь, хрипло объявил:

– Гнилой разъезд!.. Кто там выходить собирался?!

Когда я подошел к передней, открытой для выхода двери, водитель поманил меня пальцем и негромко проговорил:

– Пройдешь немного вперед, за рельсами справа от дороги начнется тропинка, вот по ней и дойдешь до Лосихи... Только с тропки не сходи, она, правда, капризная, петляет, так что за ней приглядывать надо, но зато до самого села дотопаешь, а если тропку потеряешь, то уж...

Он не договорил и выразительно пожал плечами.

Я поблагодарил водителя и вылез из автобуса. Тот, чихнув сизым дымом, медленно тронулся и через минуту растаял в лесном сумраке, а я неторопливо пошел вперед, размыш-

ляя, про какие это рельсы говорил водитель?.. Какие рельсы могут быть в этом запущенном лесу?

А вот такие!

Прямо под моими ногами, чуть приподнявшись над влажным грунтом дороги ясно блестели две параллельные стальные полосы. Я удивленно замер над ними – рельсы имели вид постоянно и достаточно часто используемой колеи, а вместе с тем между ними по обе стороны от грунтовки росли достаточно толстые деревья. К тому же на них не было даже легкого следа от скатов только что проехавшего автобуса!

Я проследил взглядом, как эта железнодорожная колея исчезает в лесу справа и слева от просеки, по которой только что проехал автобус, и мое богатое воображение... оказалось бессильно показать мне, каким образом по этой колее проносятся товарный или пассажирский состав или хотя бы небольшая дрезина! Оставалось предположить, что некто, неизвестно зачем, ежедневно начищает старые рельсы именно на этом их участке. Меня прямо-таки потянуло в чащу, посмотреть на блестящий рельсовый след между черных, старых деревьев, но я вдруг остановился, припомнив только что услышанные слова водителя: «...а если тропку потеряешь, то уж...»

Вздыхнув и почесав затылок, я перешагнул через рельсы и двинулся дальше по обочине грунтовой дороги.

Тропку я обнаружил именно там, где ее обозначил водитель – в двадцати метрах за рельсами, справа от дороги. Была она, в отличие от местной железной дороги, неухожена, узка и затянута перебегающей ее травой, однако, видно ее было вполне отчетливо... Пока!.. Свернув на эту тропку, я собрался было произнести заклинание «Истинного зрения», но передумал. Вместо этого я подобрал длинный, тонкий сук и, выломал из него подходящую к моему росту палку. Шебурша время от времени впереди себя этой палкой, я ходко двинулся по тропинке, беспокоясь только о том, чтобы не слишком промочить свои кроссовки.

Прошел я по этой тропинке минут, наверное, десять, и тут впереди послышалось далекое, но быстро приближающееся пыхтение, яростное шуршание и похрустывание упавших на землю веток. По этим звукам я догадался, что кто-то – зверь или человек, стремительно двигается по той же самой тропинке, но только в мою сторону. Я уже хотел было отойти чуть в сторону, но снова вспомнил предупреждение водителя.

Тем временем впереди, в, казавшихся совершенно непроходимыми, кустах, началось энергичное шевеление, и через несколько секунд из них вынырнула высокая, явно мужская фигура в темных брюках, заправленных в кирзовые сапоги, и длинной, наглухо застегнутой куртке с накинутом на голову капюшоне. Фигура эта, беспорядочно размахивая руками, словно стараясь удержать равновесие, устремилась в мою сторону. Не доходя до меня шагов пять, фигура притормозила, ее взгляд оторвался от тропы, уперся в меня, и тут же раздался до боли знакомый голос:

– О! Сорока! Ты откуда здесь взялся?!

По голосу я эту фигуру враз признал – был это мой старинный, еще со школы, знакомый, а звали его Юрка Макаронин или Юркай Макаронина. Вот кого я ожидал увидеть в дебрях Всесвятского района меньше всего!

Однако, Макаронин задал вопрос, и тот требовал ответа, а потому я усмешливо проговорил:

– Я-то с автобуса взялся, а вот откуда здесь взялся старший лейтенант милиции, приписанный к Железнодорожному району нашего родного областного центра?!

– А что, автобус уже прошел?! – Чуть ли не с отчаянием взвыл Юрка, не обращая внимания на мой вопрос.

– Да уж минут пятнадцать как... – подтвердил я его догадку, – а ты, значит на автобус торопился?!

Юркая Макаронина огорченно махнул рукой и сбросил с головы капюшон.

– Надо же! Не успел!.. – В его голосе сквозило откровенное отчаяние. – И не успел-то чуть-чуть!.. Зараза!!

– И куда ж это ты торопился?.. – Задал я очередной вопрос, уже не надеясь на ответ, однако тот последовал:

– Да в Руднево!.. Тут и езды-то всего минут двадцать... если на автобусе...

– Ну значит за неполный час и пешком добраться можно! – Попробовал я успокоить его.

– Ага! Как же! – С неожиданной злостью отвечал Макаронина. – А три часа не хочешь! Да и то, если по дороге дождь не начнется!..

Тут он вдруг замолчал, пристально на меня посмотрел и гораздо спокойнее повторил свой первый вопрос:

– А ты-то тут откуда взялся?.. – Но сообразив, что я уже отвечал на это вопрос, он его перефразировал. – Чего ты в эту глухомань приперся, – и с гнусной улыбочкой добавил, – или снова специальное журналистское расследование проводишь?!

– Ага, – самым серьезным тоном подтвердил я его догадку, – расследование! Девушка одна пропала, и оказалась, что она перед своим исчезновением как раз посещала эти места!

– Ну?!! – Удивился Юрка. – А что за девчонка?.. И зачем она сюда попала?!

– Девчонку ты, скорее всего не знаешь, – задумчиво проговорил я, – она, в общем-то не местная... Бабушка у нее здесь живет, в Лосихе.

– В Лосихе?! – Удивился Макаронина, – это ж которая бабушка?!

– Баба Варя.

– Бабка Варвара?! – Еще больше удивился Юрка, – так это ты ее внучку разыскиваешь, Людмилу?!

Теперь пришла пора удивляться мне:

– А ты что, Людмилу знаешь?!

– Ха!! – Юрка просто лучился самодовольством, – еще бы мне ее не знать! У меня ведь тоже бабка в этих местах проживает! Правда, не в Лосихе, а в Выселках, но все равно – соседи! Так что мы с Людмилой давным-давно знакомы!

Тут Юркая Макаронина вспомнил, что Людмила пропала и враз посерьезнел:

– Так куда она делась?!

– Не знаю, – я покачал головой, – недели три назад она побывала у своей бабушки... Вари...

– Так, может, ее тоже... – задумчиво перебил меня Юрка, но что «тоже» не уточнил. Вместо этого, подняв на меня глаза, серьезно произнес:

– Ты бабку Варвару-то бабушкой Варей не называй!.. Она, если такое, не дай Бог услышит, кирикучу тебе сделает!

Я недоуменно посмотрел на своего друга:

– Какую... кирикучу?..

Он скорчил кривую рожу и пояснил:

– Такую!.. Кирикуча – это такая, знаешь... э-э-э... кирикуча, что лучше о ней и не знать!..

Я вопросительно поднял бровь, однако Юрик не заметил моего вопроса и нетерпеливо проговорил:

– Так что с Людмилой-то произошло. Говоришь, она три недели назад была у своей бабки... и что?!

– А когда вернулась в город... ну... в больницу попала.

– С чем?..

– Вот тут-то и непонятно... – задумчиво протянул я, – да это и неважно. А важно то, что сегодня ночью она из больницы сбежала и, я думаю, направилась именно сюда!

Юрка немного помолчал, а затем задал новый вопрос:

– Значит, ты в Лосиху направляешься?..

– Именно... – Подтвердил я.

– Тогда я тебя провожу! – Решительно заявил Макаронина.

– Но-о-о... – чуть растерявшись протянул я, – ты же, кажется, на автобус торопишься?..

– Торопился, – легко согласился Юрка, – да, ведь, все равно опоздал! Так что я с тобой пойду, а то тут у нас в два счета заблудиться можно! – Он неожиданно хлопнул меня по плечу и гаркнул, радуясь неизвестно чему, – Найдем мы Людмилу!.. Никуда она не денется!!

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, он бодро затопал в обратную сторону, громко рассуждая на ходу. Я двинулся за ним следом, внимательно слушая его рассуждения.

– Я ж эти леса как свои пять пальцев знаю! С детства, можно сказать, вдоль и поперек исходил-излазил, каждый кустик, каждую травинку общупал-обнюхал. Я тебя самым коротким путем прямо к Лосихе выведу и ни на градус не собьюсь! И не гляди, что скоро вечер, я и в потемках весь лес насквозь пройду и ни об одну корягу не запнусь!..

Как – вечер! – удивленно вскрикнул я. – Сейчас еще и семи часов утра нет!

Макаронина обернулся на ходу, и его физиономия украсилась гнусной ухмылкой:

– Ты ж не знаешь нашей главной заморочки! – И голос у него был донельзя довольный. – Через рельсы на разъезде перешел?..

– Перешел... – Подтвердил я, стараясь понять причем тут рельсы, и Юрка мне немедленно все объяснил:

– Вот на двенадцать часов вперед и уехал!

– То есть – как?!

– А так! Переходишь рельсы по направлению к Лосихе уезжаешь на двенадцать часов вперед, переходишь рельсы по направлению от Лосихи – на двенадцать часов назад!

– Врешь ты все, Макаронина! – Не выдержал я. – Как в школе врать начал, так по сею пору и брешь! По-твоему получается, что и автобус, на котором я приехал, на двенадцать часов вперед прыгнул?! А как же тогда расписание движения?!!

– Я брешу?!! – Юрка от возмущения даже остановился. – Я брешу?!! Ну, сейчас сам скажешь, вечер на дворе или утро!!

Он замолчал и потопал вперед еще быстрее. Я двинулся за ним, проклиная все на свете, а главное собственную удачу, подсунувшую мне Юрку Макаронину в самом, казалось бы, неподходящем месте. Шел бы сейчас по холодку в славную деревеньку Лосиху, так нет тебе – друга встретил!!

Между тем мы чуть ли не бегом спустились в темный, похожий на подземный тоннель, овраг, прохлюпав по холоднющей и довольно глубокой луже, пересекли его и взобрались на противоположный склон. Тут черные заросли неожиданно расступились, и Юрик, издав нечленораздельно-радостный вопль, выскочил на обширную кочковатую поляну, заросшую мелкой, странно голубоватой травкой.

– Вот, смотри!.. – Нетерпеливо притоптывая на месте заорал он. – Вон там – восток, а вон там – запад! – Юрка, не глядя, ткнул пальцем в разные стороны, – если сейчас, как ты говоришь, утро, где должно быть солнце?!

Я огляделся. Если Юрик правильно указал мне стороны света, то солнце висело над... западной опушкой леса. Висело еще довольно высоко, но за полдень явно перевалило!

Я огляделся еще раз.

– А с чего ты взял, что запад именно там?.. – В свой вопрос я вложил максимум скепсиса, – насколько мне помнится, ты в географии всегда был не слишком силен...

– Да причем тут география! – Немедленно возмутился он, – Я ж здесь все детство провел, мне ли не знать в какой стороне север-юг!!

– А у вас тут что, север-юг в одной стороне?..

Теперь уже гнусная ухмылочка сияла на моей физиономии.

– Ну, не веришь – и не надо! – Неожиданно быстро сдался Юрик, – часа через три-четыре, как темнеть начнет, сам убедишься! А насчет автобуса, так вот с ним как раз ничего не происходит... И с мотоциклами, мопедами и велосипедами тоже. Даже с телегами ничего не происходит, хотя на телегах по той дороге никто сейчас и не ездит... Может колеса как-то экранируют этот... феномен?.. – Помолчав секунду, добавил он.

Юрик махнул рукой и теперь уже не слишком торопясь, двинулся через поляну. Я было пошел следом, но в этот момент меня словно что-то остановило. Застыв на месте, я снова огляделся, а затем прикрыл глаза и прислушался... Что-то было в этом месте не так!.. Я быстро, не открывая глаз, нашептал заклинание «Истинного Слуха» и... ничего необычного не услышал. Я попробовал заклинание «Истинного Зрения», открыл глаза и... ничего необычного не увидел. Вот только трава под ногами вроде бы стала еще голубее, да солнце...

Солнце прыгнуло на другую сторону поляны и сияло теперь, если верить Юрке, на востоке!!

– Так-так-так... – пробормотал я, пытаюсь разобраться, что же такое произошло, однако, ни одной дельной мысли в голову не приходило. Правда, я вдруг разглядел едва заметную тропку, нет, не тропку даже а так... чуть примятую травку. Примятость эта тянулась через поляну, наискосок, как раз из той точки опушки, куда почти подошел Юрка, влево, к огромной, неизвестно откуда взявшейся на поляне коряге, и там... пропадала!

Вместо того, чтобы следовать за своим проводником, я, осторожно ступая по удивительно мягкой траве, двинулся в сторону привлечшей мое внимание коряги. И когда до нее оставалось всего шагов пять, меня остановил возглас за моей спиной:

– Эй, Сорока, ты куда поперся?! – И тут же голос перешел в истошный крик. – Туда нельзя!!

Я остановился и оглянулся. Юрка, почти уже добравшийся до опушки поляны, стоял, странно вытянув шею и округлив испуганные глаза.

– Это почему же?.. – Ехидно поинтересовался я, – Неужто эта полянка расположилась в частных владениях?!

– Да ты что, не видишь?! Вон же чертов сучок валяется!! К нему подходить нельзя!!!

– Почему?.. – Снова переспросил я, на этот раз гораздо серьезнее.

Юрка шагнул в мою сторону, нерешительно остановился, затем вдруг с каким-то отчаянием махнул рукой и зашагал ко мне. Я тем временем еще раз внимательно оглядел корягу или, как ее назвал Макаронина, «чертов сучок».

Размером она была с тяжелый мотоцикл, лежала метрах в четырех-пяти от меня, так что видно было ее вполне отчетливо. Темная, почти черная, местами затрухлявившаяся древесина выглядела странно влажной на открытом, хорошо прогреваемом и продуваемом месте. Травы под ней не было вовсе, а светло-серая, высушенная глина, рассыпалась пылью под темным округлым боком явно тяжелой влажной коряги. Остатки толстой, темной, рыхлой коры виднелись только на толстом ее конце, а более тонкий, расходившийся двумя обломанными, поднимавшимися вверх ветвями, был гол и лаково отблескивал влагой.

«Это ж надо, такую коряжину „сучком“ назвать, – с усмешкой подумал я, – Пусть даже „чертовым“... Интересно, кто его сюда притащил, „сучок“ этот?!»

И словно в ответ на мои размышления, прямо за моим плечом раздался негромкий Юркин голос:

– Вишь, как разлегся... По-хозяйски... Его здесь черт бросил...

– Какой черт?.. – Не слишком удивленно поинтересовался я.

– Ну какой черт, – повторил за мной Юрка, – обычный черт...

– А зачем?..

– Да ни зачем!.. Просто бросил и все!

Я невольно улыбнулся рассуждениям старшего лейтенанта милиции о действиях черта.

– А откуда это известно, что эту... коряжку здесь черт оставил?.. – Не скрывая улыбки поинтересовался я. – И когда он это сделал?..

Макаронина оторвал взгляд от коряги, внимательно посмотрел на меня и почесал за ухом:

– Ну-у-у... Откуда-откуда!.. Старики рассказывают!

Он замолчал, но мне такого объяснения было мало.

– И что же они рассказывают?..

– Ну-у-у... Что-что!..

Юрка мялся и явно не хотел рассказывать, однако я не отставал:

– Да, что конкретно известно... э-э-э... старикам об этом давнем деле?!

– Ты все смеешься... – неожиданно суровым тоном проговорил Юрка, – а здесь дело серьезное! – Он чуть помолчал и наконец решился. – В общем, этот случай лет триста назад был. Места у нас, как ты уже понял... дикие... кол... колдовские места... Ну, всегда здесь, у нас жили такие... ну... бабушки, которые... умели... Ну, ты понимаешь о чем я говорю!

Юрик замысловато пошевелил пальцами.

– Скажем так – владели Искусством! – Совершенно серьезно подсказал я Юрику.

Он взглянул на меня испуганным глазом и кивнул.

– Так вот триста лет назад, или того больше, к местной жительнице повадился черт захаживать. Ну, он, конечно, вид-то имел натурально нормальный – ни рогов, ни хвоста, там, у него не водилось, а потому женщина эта... ну... к которой он захаживал, его за черта-то и не держала, думала, так, понравилась, мол, мужчине, вот он и ходит. А у черта, сам знаешь, своя мысль была. Короче ходил он к этой тетке долго, но однажды, когда та уже совсем размягчела, взял, да и сказал ей все, как есть: – Я, мол, черт, и сделаю для тебя, все, что захочешь, только... Ну, ты сам понимаешь, чего он ей... того... предложил!..

Я утвердительно кивнул – ну кто ж не знает, что черт тетке предложить может. Юрик вполне удовлетворился моим кивком и продолжил свой рассказ:

– Только этой... ну... тетке совсем предложение черта не понравилось! А она... Как ты сказал – «Искусство»?.. Так вот она этим, твоим... искусством, очень даже здорово владела. Схватила она заговоренный ухват, да давай черта лупить тем ухватом по всем местам, до которых достала. Тот, конечно, дал деру от взбесившейся бабы, да только разве от разозленной женщины убежишь?.. К тому же она ему и ногу тем ухватом в трех местах переломала. Так вот он и схватил эту самую коря... то есть, этот самый сучок вместо костыля, чтобы, значит, сподручнее убегать было. Так его эта тетка до самой этой полянки и гнала, а здесь черт сучок свой бросил, да сквозь землю и провалился!

Тут Юрка замолчал, пожевал губами, словно пробуя свой рассказ на вкус и неожиданно добавил:

– А тетку эту Лосихой звали... Прозвище такое!.. От этого прозвища, да от ее усадьбы и деревня пошла... Лосиха!

Мы немного помолчали, глядя на «чертов сучок», а затем я спросил:

– Ну, а почему к этому... «сучку» подходить нельзя?

Макаронин снова посмотрел на меня «нехорошим» взглядом, затем опустил глаза, крякнул и значительно тише произнес:

– Да, ты знаешь... возле этой коряги разные нехорошие дела творятся...

– Что значит «нехорошие дела»?! – Не отставал я.

– Ну... – отвернувшись в сторону, забормотал Юрка, – ... скотина, если ее на этой поляне пасти, заболеть может... А люди... – Он запнулся, но все-таки договорил, – люди... Людей, знаешь, перенести может!

Бросив на меня быстрый взгляд, он убедился, что я не совсем понял его слова и быстро добавил, – ну, был на поляне, около «сучка», а оказался у черта не куличках!!

– Где?! – Удивленно воскликнул я.

– Где-где!! – Неожиданно озлился Юрка, – да где угодно. Кого в соседнее село зашвырнет, кого в райцентр...

– И часто так-то людей «перекидывает»? – Поинтересовался я.

Юрка отрицательно помотал головой.

– Сейчас редко... Местные-то, почитай, все знают про это место, а приезжих здесь и не бывает... Чужие-то в Лосиху едут теперь по другой дороге. А раньше бывало, что люди здесь и вообще пропадали!!

– Что значит – пропадали?! – Снова не понял я. – Если здесь люди пропадали, значит этим местом должны были компетентные органы заниматься!

– Ха!.. – Усмехнулся Юрик, – я сам – компетентные органы! Только, если уж кто здесь пропал, то все, с концами – ни следа, ни запаха. Пару раз, еще до войны, собак по следу пропавших пытались пускать, так псы, как до этой полянки добегут, так и стоп!.. Садятся в сторонке и воют, а к коряге этой их и на поводке не подтащишь! Да... – Он чуть помолчал, а потом махнул рукой. – Э, что там говорить, у меня у самого дружок пропал – Колька Седов, наверняка у этого самого сучка! Нам тогда лет по пятнадцать-шестнадцать было...

И вдруг его физиономия расплылась в пакостной усмешечке:

– Он, Колька-то влюблен был по уши как раз в эту твою Людмилу, а она на него и смотреть не хотела – маленький он был, в смысле, росту невысокого, а уж рыжий – глазам смотреть больно! Он все Седым себя называл, по фамилии, а мы его Рыжиком дразнили!.. Бился Рыжик, бился, даже к бабкам кое-каким обращался... типа помогите девку приворожить, да только кто ж захочет с бабкой Варварой связываться – бабка Варвара сама кого хочешь приворожит или в узелок завяжет! Вот Колька и повадился к сучку ходить. Я, говорит, сам колдовать научусь и Людку приколдую! Только ничего у него не получилось, и сам пропал! – Макаронин вздохнул. – Хороший был парень, так и не нашли, хотя во всесоюзный розыск объявляли.

– Неужели с этим... сучком так-таки ничего и нельзя сделать?! – С провокационным смешком поинтересовался я. – Может, федеральные власти подключить?!

Однако Юрик на мою провокацию не поддался и ответил совершенно серьезно, так что я снова подумал, что он меня разыгрывает:

– Нет, никакие власти, ни областные, ни федеральные ничего здесь не сделают. Одна была надежда – бабка Варвара! Уже сколько раз к ней ходили, просили ее убрать этот чертов сучок, так нет, все ей недосуг!..

– То есть, как! – Опешил я, – Та самая бабка Варвара, что?..

Юрка в ответ молча кивнул.

– Ты хочешь сказать, что бабка Варвара, бабушка моей... Бабушка Людмилы, может убрать этот... э-э-э... «сучок»?!!

– Больше некому!.. – Вздохнул Юрка. – Она ж – прямой потомок той самой... Лосихи, что черта переломала!!

Я уставился на корягу и не сводил с нее глаз целую минуту!

Затем, снова повернувшись к Макаронину, я медленно проговорил:

– Ну что ж, пойдем к этой замечательной бабке... Может и по этому делу мне удастся с ней поговорить!

Макаронин с нескрываемым облегчением развернулся прочь от коряги и двинул в сторону опушки, а я направился следом за ним. Но не успел я сделать и шагу, как в кармане моей куртки вдруг что-то зашевелилось. Да какой там – зашевелилось, задергалось, явно стараясь выбраться наружу!!

Я инстинктивно бросил ладонь на карман, стараясь остановить это «дергание», но опоздал, из-под клапана на голубоватую травку вывалился... крошечный золотисто-оранжевый медвежонок с колечком на лопухой башке.

«Как же это я карман не застегнул?! – Несуразно мелькнуло в моей голове, – мог и потерять!»

Я наклонился, чтобы поднять людмилкин подарок, прихваченный мной из дома по каким-то сентиментальным соображениям, однако маленькая игрушка, вместо того, чтобы спокойно дожидаться, когда ее снова уложат в карман, вдруг встала на задние лапки и... пока-тила, поблескивая колечком на своей макушке, в сторону темной коряги!!!

– Куда?!! – Совершенно по-идиотски воскликнул я и бросился следом за медвежонком.

За моей спиной раздалось не менее идиотское «Куда?!!», и я услышал топот Юркиных сапог.

Догнать крошечную игрушку конечно же ничего не стоило, хотя, благодаря своему неожиданному старту ей и удалось оторваться от меня на пару шагов. В два прыжка я настиг рыжего медвежонка, но тот неожиданно наддал еще, так что мне пришлось сделать еще один прыжок. Тут уж игрушка оказалась прямо под моими ногами, и я наклонился, чтобы схватить ее. В этот момент голова у меня закружилась, в глазах поплыло, ноги слегка подкосились, и я вынужден был сделать еще один небольшой шажок, чтобы просто удержаться на ногах, а не ткнуться носом в траву. Одновременно я сумел подхватить рыжую игрушку, которая как-то уж очень неожиданно потеряла свою подвижность.

Выпрямившись, я тряхнул головой, отгоняя мгновенную дурноту и оглянулся на Макаронина. Тот стоял за моей спиной и диковато озирался по сторонам. Я показал ему зажатого в кулаке медвежонка и с глубоким удовлетворением произнес:

– Вот, поймал!..

Старший лейтенант посмотрел на меня круглыми глазами и тихо повторил:

– Поймал...

Только тут я заметил, что в двух шагах за его спиной виднеется... темная коряга... «чертов сучок»!

«Он же должен быть...» – растерянно подумал я и посмотрел в другую сторону, туда, куда мы бежали и где по всем законам окружающего мира должна была находиться коряга, но там ничего не было!! Я снова развернулся к Макаронину. Тот топтался на прежнем месте, продолжая озираться, и тут я увидел, что от коряги в нашу сторону по травке тянется... едва заметная тропка, нет даже не тропка, а так, легкая примятость. Мне немедленно припомнилось, что точно такую же примятость я видел только что, стоя в нескольких метрах от коряги, только тогда она располагалась с другой стороны и тянулась через всю поляну, от опушки до коряги!

И тут меня словно что-то толкнуло изнутри – я еще раз огляделся и прислушался к собственным ощущениям...

Пространство вокруг меня было переполнено дикой, неупорядоченной магической Силой – это был явно не наш Мир!!

– Та-а-к... – ошарашено протянул я, и снова посмотрел на Юрку.

Тот уже слегка пришел в себя, и, похоже, ничто его не тревожило. К нему снова вернулась его всегдашняя жизнерадостность.

– Эк нас... перешвырнуло!.. – Он расплылся в довольной улыбке. – А других вот так вот, наверное, вообще неизвестно куда забрасывает!

Я взглянул на зажатого в кулаке медвежонка и подумал:

«Да, друг, ну ты и услугу нам оказал!..»

И вдруг остановил сам себя:

«Услугу!!! Это же – игрушка!!! Как она могла бежать!!! Но ведь бежала! Я сам видел!!!»

– А чего ты к этой коряге-то рванул?.. – раздался позади меня голос Макаронины. – Я ж тебя предупреждал, что к ней подходить нельзя!..

– Да вот, – машинально ответил я, – медвежонок у меня сбежал.

– Ха! Сбежал! – Воскликнул Юрка. – Как же он мог сбежать, когда он – игрушка?! Уронил, небось, сам, а он просто откатился!..

«Откатился?.. – Мысленно переспросил я сам себя, и тут же не согласился с Юркиным предположением. – Нет – побежал! Я сам видел, как у него лапы... мелькали!»

А Юрка тем временем продолжал свои разглагольствования:

– Его надо было веточкой достать, а ты, дурной, за ним рванул. Хорошо еще нас не так далеко перекинуло, а то бы и дороги домой не нашли!

«Да мы ее и так не найдем!» – подумал я, и тут же вспомнил, что мешочек с «камушками», подарок Маулика, при мне, так что я всегда смогу построить портал перехода... Вот только... Почему медвежонок привел меня сюда?! Случайно ли это?! Вот что надо выяснить! А для этого необходимо найти и пораспросить кого-то из местных! Кстати и с этим самым «перекидом» не грех разобраться, похоже здесь народу много «поперекидывало». А вот портала перехода у сучка не было... Во всяком случае я его не почувствовал... И это было странно!!

– Ну ладно, – закруглился наконец Макаронин, – хватит стоять столбом, пошли в Лосиху!

– Пошли! – Немедленно согласился я, – только вот, дорогу-то ты помнишь... после «перекида»?!

Юрка ощерился в своей неповторимой самоуверенной улыбочке:

– Да я отсюда до Лосихи с завязанными глазами дойду! – И тут же чуть-чуть поправился. – Вот только чертов сучок обойти надо!

И он по широкому кругу, обходя корягу, двинулся все к той же опушке поляны. Я, чуть приотстал и быстро наговорил заклинание «Полного Понимания», прикрыв им и себя и Юрика... так, на всякий случай. А затем направился за старшим лейтенантом, сжимая в кулаке медвежонка, словно боясь, что он снова вырвется и рванет куда-нибудь еще. Но игрушка вела себя смирно, так что дойдя следом за Макарониной до опушки, я опять уложил ее в карман, правда, клапан я на этот раз тщательно застегнул.

Мы снова вошли в лес. Поляна, на которой валялся чертов сучок, скрылась за деревьями, и шагов через двадцать мы неожиданно вышли на узенькую тропочку, бегущую между кочек, поросших черникой, короткой травкой и редким папоротником. Я заметил, что выйдя на эту тропочку, Макаронин чуть замешкался, чтобы оглядеться, и вид у него при этом был слегка удивленный. Однако никаких вопросов я задавать ему не стал, поскольку он быстро оправился от своего удивления и бодро зашагал по тропочке направо.

Мы прошли наверное с полкилометра, когда Юрка вдруг остановился и с удивлением уставился на высоченную березу со сломанной и обгорелой верхушкой. Я подошел ближе и поинтересовался:

– Что, Макаронина, знакомую встретил?..

Он слегка растерянно посмотрел на меня и ответил:

– Именно, что знакомую... – и снова переведя взгляд на березу, добавил, – вот только березка эта никак не могла здесь стоять!..

– Как же – «не могла», когда вот она, стоит!

– Именно, что стоит... – Юрка снова взглянул на меня, – но, вообще-то, эта береза находится севернее Лосихи, а мы, что б ты знал, подходим... – тут он как-то странно кхмыкнул, – с юга!

– А тебе не кажется, что ты просто слегка заплутал?! – С едва заметной усмешкой спросил я.

Юрка мою усмешку не заметил, но сразу же набычился:

– Как это я мог заплутать, когда я эти места знаю, как свои пять пальцев!..

– А береза?.. – Еще более усмешливо поинтересовался я. – Или она специально сюда... переместилась, чтобы тебя запутать?!

– Нет, береза здесь всегда стояла! – Раздался вдруг довольно высокий мужской голос из-за недалеких кустиков, а спустя мгновение на тропочку из-за кустов выступил и его обладатель.

Мы с Юркой уставились на мужика, но тот и не думал смущаться:

– С тех пор, ребята, как я сюда попал, эта береза всегда туточки обреталась. Может, ольха, какая черная, или, там, бузина и могли деру дать из этих мест, а береза – никогда! Береза – дерево солидное!

Мужик открыто улыбался, хотя в его светло голубых, удивительно прозрачных глазах таилась некая серьезная заинтересованность. А вообще-то, вид у него был довольно несуразный – крупный, породистый, с легкой горбинкой нос как-то не вязался с простоватыми, улыбчивыми губами и светлыми, широко расставленными глазами, опущенными светлыми же ресницами. На высокий, покрытый легкими морщинами лоб падали негустые светлые волосы, обнаружившие на затылке уже заметную проплешинку.

Годков мужику было между двадцатью пятью и сорока, а одет он был самым обычным образом: в мешковатые, со времен покупки не глаженные штаны, заправленные в разношенные, но еще довольно крепкие сапоги с короткими голенищами и темно-синюю, в мелкий белый горох рубаху навывпуск, подпоясанную куском тонкого шнура. В крупных, явно привыкших к тяжелой работе руках мужик держал небольшой холщевый мешок, перетянутый по горловине бечевкой и странный музыкальный инструмент, напоминавший басовую мандолину с резко загнутой назад колодочкой для колков.

– А ты кто такой будешь?! – Задал неожиданный вопрос старший лейтенант Макаронин, причем вопрос этот прозвучал столь официально, что я с удивлением посмотрел на него и неожиданно подумал:

«Вот те на!! А еще говорил, что он в этих местах всех жителей в лицо знает!!»

И тут же поправил сам себя:

«Нет! Это он в... тех местах всех в лицо знает, а здесь... Здесь он никого, похоже, не знает!»

Мужик, между тем, остренько посмотрел в лицо Макаронину и все с тем же доброжелательством ответил:

– Зовут меня Володьша, сын Егоршин. Родом я из Вятшей Пустоши... Далеконько отсюда, так что, либо вам придется мне на слово поверить, либо...

– Из какой это Вятшей Пустоши?.. – С явным уже недоверием протянул старший лейтенант. – Что-то я не знаю в округе никакой Вятшей Пустоши!

– Так ты, болезный, и березы не признал!.. – Добродушно усмехнулся Володьша и, покосившись в мою сторону, спросил. – Ну а сам-то ты кто таков и откуда будешь?

– Я-то – старший оперуполномоченный, старший лейтенант Макаронин, в настоящий момент провожу краткосрочный отпуск в Выселках, – гордо отвечивал Макаронин.

Мужик снова улыбнулся – очень мне нравилась его улыбка – и ласково, словно уговаривая капризного ребенка, проговорил:

– Ишь ты – и опер... уполномоченный – старший, и... этот... лейте... нам старший... сплошь, значит, начальство?! – А затем, почесав подбородок, добавил, – из Выселков, говоришь?... А я тебя не слишком огорчу, если скажу, что никаких Выселков поблизости нет...

– Как это нет?! – Даже и не удивился, а просто оскорбился Юрка, – Да ты, видать совсем не местный! Вон там они, Выселки! – Он махнул рукой куда-то влево, – километрах в двух всего-то!!

Мужик удрученно покрутил головой:

– Это, конечно, ваше дело, только никаких Выселков там нет...

– Да мы, собственно говоря, и не в Выселки идем, – вступил я в разговор, прекращая ненужный спор. – Нам Лосиха нужна.

Мужик снова внимательно взглянул на меня и снова улыбнулся:

– Ну, к Лосихе вы аккуратно по этой тропочке и выйдете, только вот дома ее сейчас нет.

– Кого?! – В один голос воскликнули мы с Юриком.

– Как – «кого»?! – Удивился Володьша, – Лосихи! Вы же к ней идете?!

– Лосиха, что б ты знал, – с большим знанием дела начал просвещать аборигена Макаронин, – это село такое... И мы в это село идем.

Мужик снова расплылся в своей добродушной улыбочке:

– А никакого села там нет... Ни Выселок, ни Лосихи. По этой тропочке вы выйдете к росчисти, на которой обосновалась тетка Лосиха. Домик у нее, хлевок... скотинка кое-какая в хлевке... Дочка-красавица... – Глазки у Володьши масляно залоснились. – Только сама-то Лосиха щас в бор ушла, а дочка ее никого и за свой плетень не пустит, когда матери дома нет...

Последняя фраза у мужичка получилась странно грустной, так что я сразу подумал, что он уже не раз пытался попасть в усадьбу к Лосихе, когда той не было дома. Говорил Володьша спокойно и уверенно, да я и сам знал, что он говорит истину, однако Юрик никак не мог согласиться со столь странными утверждениями какого-то чужого, по его мнению, мужика.

– Пошли, Сорока! – Рывкнул он, махнув рукой на улыбающегося мужичка, – нечего слушать сказки всяких...

Юрка не договорил, но взгляд, брошенный им в сторону улыбчивого Володьши, был весьма красноречив.

И тут встретившийся нам мужичок стал вдруг необычайно серьезным и, обращаясь главным образом ко мне, торопливо проговорил:

– Слышь, ребята, возьмите меня с собой!.. Глядишь, я вам в дороге пригожусь!..

– Куда это тебя взять?! – Немедленно огрызнулся Макаронина. – В какой это дороге ты годишься, когда нам и идти-то всего пару километров!

Володьша, сын Егоршин снова попытался улыбнуться, но на этот раз улыбка у него получилась не слишком бодрой.

– Не-е-е, я так думаю, что дорога у вас будет подлиннее... А мне как раз надобно в столицу попасть... Только я никак попутчиков не могу найти... Я ж здесь уже два дня попутчиков дожидаясь...

– Может быть тебе надо было на проезжую дорогу пойти?! – Участливо поинтересовался я.

– Так до проезжей-то дороги дойти еще надо! – С некоей даже тоской почти пропел Володьша. – А как до нее в одиночку-то добраться?!

– И что ж, за два дня никто мимо не прошел?

– Да как не пройти, – вздохнул Володьша, – проходили... Да вот часов пять назад девка пробежала... Красивая... Да только какой она попутчик?! Она и того, что у нее под ногами-

то не видела – глаза безумные, несется, как угорелая... А спросить ее, куда несется, так она и сама не знает!!

Он хотел еще что-то добавить, однако я резко его перебил:

– Ну-ка, ну-ка!! Рассказывай, что за девка пробегала?! И поточнее!!

Мужик осекся, чуть удивленно посмотрел на меня и начал рассказывать старательно вспоминая подробности:

– Ну, значит, сижу я за кусточком, жду. Солнышко как раз только взошло. Слышу, шуршит кто-то по тропинке. Легко так шуршит, не тягостно. Я даже и выглядывать сначала не хотел – явно кто-то несерьезный двигается и, опять же, один, а мне поболее компания нужна. Однако, когда шуршание приблизилось, любопытно мне стало, кто это так легко шуршать умудряется – и не ребенок, вроде бы. Ну я и выглянул. Смотрю, девчушка по тропочке бежит, да так торопится, словно в доме у нее пожар! А сама такая... – И снова на Володьшиной физиономии расцвела плутоватая улыбочка, а в округлившись глазках загорелись озорные огоньки, – ...красовитая. Высоконая, волосы почти совсем белые, глаза большие, синие... Только вот бледная очень и глаза... такие... неподвижные, в одну точку уставленные!..

Тут Володьша снова посмотрел на меня, словно бы опасаясь, что сказал что-то не то. Однако я не проявил недовольства, и потому он торопливо продолжил:

– Да, одета она была тоже странно – ноги босые, на самой платишко совсем коротенькое, спереди на маленькие такие пуговки застегнутое... И больше ничего. Проскочила она это мимо меня, словно ветерок по травке пробежал. Я уж потом подумал, может окликнуть ее надо было, помочь чем, да уж поздно было...

Володьша замолчал, а я медленно перевел взгляд на Юрика, и тот, чуть сомневаясь, подтвердил мою догадку:

– На Людмилу похожа!.. Может она и вправду в Лосиху бежала?!

– Ты же слышал, – повернулся я к Юрке, – нет здесь Лосихи!

– Да если это была она, то бежать она могла только в Лосиху!! – Уперся Макаронина.

Но тут я вспомнил, какой видел Людмилу в последний раз, и сразу понял, что... «позвали» ее через украденное «я» сюда, в этот самый Мир!! И будь проклят этот чертов «сучок» – именно он являлся порталом перехода!

– Пошли!! – Резко кивнул я, и не дожидаясь Юрика, двинулся по тропочке. Макаронина немедленно устремился за мной, и тут до нас снова донесся голос Володьши:

– Ребята, так можно мне с вами?! Мне, правда, очень в столицу нужно.

Я остановился и оглянулся. Володьша, сын Егоршин так трогательно протягивал к нам правую руку с зажатой в ней мандолиной, что я, не смотря на весь трагизм положения, чуть не расхохотался. И тут мне припомнилось, что я хотел «пораспросить» кого-нибудь из местных! Почему бы не этого Володьшу?!

– Пошли, – я махнул ему рукой, – только не отставай, мы торопимся!

Надо сказать, что догнал он нас очень быстро, да и вообще, ходок из него был классный. Он не только без особых усилий поспевал за нами, у него еще хватало сил говорить без умолку:

– Я бы может и рискнул один до тракта добраться, хотя пошаливают в нашем бору. Фильку-Рваные Ноздри я хорошо знаю, он меня не тронет, Яську из Рогатого болота знаю, Семку-Помело, но, говорят, у нас тут какой-то новый хмырь объявился, вроде бы как даже и не живой вообще, Саняткой-с-Дыхом кличут, да и еще кое-кто. – Тараторил Володьша, забегая вперед и заглядывая сбоку мне в лицо. – Вот с ими-то я и не знаком, так значит и встречаться с ими не след! А тут смотрю, двое добрых молодцев по тропочке пробираются, да таки богатыри, таки богатыри, а один даже... того!..

– Чего – «того»?! – Подал свой грубый голос старший лейтенант нашей доблестной милиции.

– А я не про тебя, молодец, не про тебя! – Быстро отбrehивался Володьша, и снова в его голосе я почуял некую ласковую насмешку, – я про товарища твоего!! Я как товарища твоего увидел, так сразу и решил – вот с кем идти надо, этот никогда не выдаст!!

– А я что ж, выходит, выдам?!! – Возмутился Макаронина, – Да я самый надежный оперуполномоченный в отделении!! Сам полковник Быков так считает! Василь Василич!

– Так я ж разве спорю?! – удивленно восклицал Володьша, – я и не спорю, конечно, самый надежный... этот... опер... в отдалении!.. Я про другое, товарищ твой, на мой глаз, охоченно умелый в... ну, в этом... ну, сам знаешь в чем... вслух не говорят...

– Вот и молчи!! – Не поворачиваясь буркнул я.

– Так я разве что?!! – Тут же покаялся Володьша. – Я ничего и не говорю!.. Я просто объясняю этому... ну... в отдалении который, почему я к вам пристал-то!

Тропка под нашими ногами резво пошла в гору, затем, перевалив через совершенно лысую верхушку какого-то незначительного пригорка и вильнув туда-сюда, ринулась вниз, в волглый, пахнувший стоячей водой овражек. На дне оврага тропинка пошла не прямо, а вихляясь из стороны в сторону, словно пытаясь выбраться из оврага и не находя в себе сил сделать достаточный рывок. Наконец, уже почти упершись в отвесную, осыпающуюся стену, она рванулась наверх покрытыми мхом ступенями и снова вынесла нас в чистый сосновый бор.

И тут потерялась.

Я остановился. Под ногами лежала ровная, мягко пружинящая подушка палой хвои, на которой просто не могло остаться никаких следов. Однако, я только успел подумать, куда же нам теперь направить свой путь, как из-за правого моего плеча вынырнула рука с зажатой в ней мандолиной.

– Вон на ту кривую сосну надо путь держать! – уверенно подсказал Володьша.

Я оглянулся на своего непрошеного проводника, и он быстро закивал:

– Туда, туда... Аккурат на Лосихину росчисть выйдем! А там, за росчистью, снова тропочка идет, почитай, через весь бор. Ну, а если бор пройдем, как раз на тракт и попадем, который к столице ведет. Правда, там...

Но закончить фразу Володьше не дали.

– Вообще-то, меня интересует, куда побежала та девушка, которую ты видел сегодня утром! – Перебил я его, поглядывая на указанную Володьшей сосну.

– Да-а-а... – Задумчиво протянул он. – Ежели она дороги не знает, заплутает точно. Этому ж бору конца и края нет, не даром его Черным зовут! В нем с тропочки на тропочку можно неделями перепрыгивать, а к жилью человеческому так и не выйти!..

Тут Володьша внимательно посмотрел мне в глаза и глубокомысленно добавил:

– А только я так скажу – знала она, девчонка эта, дорогу. Уж больно уверенно бежала, прям будто кто ее вел!..

– Ладно, пошли на Лосихину росчисть! – согласился я.

Володьша уже на правах настоящего проводника двинулся вперед, я за ним, а замыкал наш отряд недовольно ворчащий старший лейтенант.

– Ишь, знаток выискался!! Сам не местный, а поди ж ты, дорогу указывать берется!! Ну, ничего, вот выйдем к Лосихе, ни то к Выселкам, там я с ним разберусь – и откуда он, и зачем, и почему!!

Я на ходу обернулся и с улыбкой оборвал его ворчанье:

– Слушай, Макаронина, что ты там бубнишь про свои Выселки?! Сказал же тебе человек, нет здесь никаких Выселок, и Лосихи нет! Выкинуло нас в другой Мир, по иному тут все!

Юрка недоверчиво посмотрел на меня, но спорить не стал, хотя по его виду было ясно, что ни в какие другие миры он не верит, и будет стоять на своем до конца!

Без тропы и без дороги шагали мы наверное часа полтора. Сначала на кривую сосну, затем свернули на шум воды, а от излучины ручья, прыгавшего вниз с непонятно откуда взявшегося здесь гранитного уступа, на крик кукушки, которого мы дожидались по совету все того же Володьши минут, наверное, пятнадцать. Правда, его уверения, что идти надо именно на крик кукушки, который обязательно слышно, если подождать у ручья, оказались верными – кукушка прокуковала-таки!

Вот по этому крику мы, наконец-то, и вышли к невысокому плетню, огораживавшему большую поляну, явно искусственного происхождения, посреди которой стояла солидная изба на три окна по фасаду, с выносными сенями, задней пристройкой, видимо, для скотины и высокой крышей, покрытой серой дранью. Сбоку от дома торчал невысокий сруб колодца с двускатным покрытием и воротом.

Удивленный Макаронин подошел поближе, бормоча себе под нос: – О! Гасьенда! Это как же я об ней ничего не знал-то?!

Внимательно оглядев строение, он медленно протянул руку к плетню, словно для того, чтобы убедиться в его материальности, но Володьша неожиданно вскрикнул:

– Не тронь, плохо будет!!

Старший лейтенант быстро отдернул руку и недовольно обернулся:

– Что ты орешь, оглашенный?! Что плохо будет?!

– Не знаю – что, но точно плохо! – Не совсем понятно проговорил Володьша и тут же пояснил. – Я ж говорил, что Лосиха в бор ушла, а когда Лосиха в бор уходит, она всегда на плетень наговор накладывает, чтобы, значит, чужой не залез!.. Дочка-то ее конечно могла бы наговор снять, да только она никогда этого не сделает!

– Почему?.. – Переспросил Макаронин.

– Опасается... – Коротко ответил Володьша, – разные тут бродят, иному и на глаза-то показываться нельзя, не то что ворота открывать!

– Ты кого это имеешь в виду?.. – С нехорошим подозрением поинтересовался Юрка.

Ну, кого?.. – Пожал плечами Володьша, – Тебя, меня... всех... кто бродит без дела да отирается под чужими плетнями.

Юрка Макаронина вытянулся, расправил плечи, и мне на мгновение показалось, что сейчас на его плечах отрастут погоны, а затем прозвучит сакраментальное: «Гражданин, пройдите!» – Однако, вместо этого, видимо сообразуясь с обстановкой, старший лейтенант со значением произнес:

– Может быть здесь кто-то и отирается без дела под чужими плетнями!.. К-хм... А я, как представитель власти, занимаюсь совершенно другими делами!..

Володьша бросил быстрый, хитроватый взгляд в сторону Юрика и пробормотал себе под нос:

– Ну, сейчас он заявит, что у самого Змея Горыныча в дружине десятком командует!..

В тот момент я не обратил особого внимания на эту фразу, меня гораздо больше заинтересовал «наговор», наложенный бабой Лосихой на свой плетень. Заклинанье было простенькое, в стиле «рябой сеточки», узелки над каждым столбиком, и поставлено довольно давно, видимо, уходя из дома, Лосиха каждый раз просто заново его активизировала. Похоже, она и сама не видела, что основа этого заклинанья уже здорово износилась – в «сеточке» зияли солидные прорехи, правда узелки еще были вполне крепки. И все-таки, я сделал заключение, что защита эта поставлена не Лосихой, автор заклинанья уже давно бы поправил истертую от долгого употребления основу.

Выбрав наиболее слабое место между двумя столбиками, я двумя простыми пассами расширил прореху и спокойно перескочил через плетень. Обернувшись, чтобы позвать за собой ребят, я увидел, что Володьша стоит метрах в трех от плетня, с таким видом, словно собирается дать деру и, раскрыв рот смотрит, как Юрка лезет через плетень следом за мной.

– Ты что, сын Егоршин?.. – Крикнул я довольно громко, – или раздумал с нами в столицу идти?!

Макаронина тем временем перебрался через плетень и в свою очередь повернулся в сторону Володьши.

– Это тебе не возле чужого плетня отираться! – С глубоким чувством превосходства проговорил старший лейтенант, взирая свысока на местного жителя. – Так что, если все-таки надумаешь идти с нами, про эти всякие «обтирания» забудь!

Володьша как-то смущенно улыбнулся, но следовать за нами не спешил. Сделав пару шагов к плетню, он внимательно приглядывался к его верхней жердине, словно ожидал от нее некоей пакости лично для себя.

– Не бойся, дорогой мой, не бойся, – подбодрил я его. – Никто тебя не укусит. Только перелезай точно в том месте, где это сделал я.

Володьша наконец-то решился подойти вплотную к плетню и даже положить на верхнюю жердь чуть задрожавшую руку. Я прекрасно видел, что он готов мгновенно ее отдернуть, если почувствует что-то опасное, однако никакой опасности не было. Володьша быстро перескочил во двор и оглянулся.

– Надо же!.. – пробормотал он себе под нос, – а я даже подходить к нему боялся!.. А надо-то было всего-навсего поводить над ним руками!..

Он повернулся ко мне и со своей неизменной улыбкой поинтересовался:

– Слушай, как тебе такая штука удалась?! Просто руками поводил и все. У меня... – Тут он слегка сбился, словно сказал что-то... ненужное, а потом махнул рукой и продолжил, – ... у меня колдовской палец есть, специально сделан, чтобы охранные заклинания с изгородей снимать, так он на этом плетне ничего сделать не мог!!

– Видимо, для твоего «пальца» это заклинанием было незнакомо. Оно и вправду, достаточно древнее. – Пожал я плечами.

Володьша еще раз оглянулся на плетень и снова посмотрел на меня:

– А трудно вот этому... – он поводил перед собой руками, копируя мои движения, – ...научиться?!!

– Ну что ж в этом трудного?! – Усмехнулся я в ответ, – вот же у тебя прекрасно все получилось!.. Правда, надо еще знать, где это делать и какие слова при этом говорить, а то и руки могут по локоть отгореть, и самого скрючит, ни одна знахарка не поможет!

Володьша покивал с самым серьезным видом:

– Вот-вот, и я сразу сообразил, что ты много чего умеешь! Где только научился?!

– Да в университете! – ухмыльнулся Макаронина.

Я всегда чувствовал, что Юрка слегка завидует моему университетскому образованию, хотя сам он про себя еще в восьмом классе решил, что «верхнее образование» не для него.

А вот на Володьшу заявление старшего лейтенанта произвело совершенно неожиданное действие. Он удивленно разинул рот, а затем прошептал, с безмерным уважением глядя на меня:

– Так ты университет закончил?!!

Я посмотрел на ухмыляющегося Макаронина и молча кивнул.

– Это как же ты в такую даль забрался?!!

– В какую даль?.. – опередил мой вопрос Юрка.

– Ну как же, – посмотрел на него Володьша, – университеты-то только у фрязинов да у гуннов имеются, а гунны-то во-о-о-н где живут!!

Тут он снова повернулся в мою сторону и неожиданно спросил:

– А у тебя и грамота есть?..

– Какая грамота?.. – Переспросил я, опередив на этот раз Юрку Макаронину.

– Грамота... ну, про то, что ты в университете учился!..

– Есть грамота... – усмехнулся я, – диплом называется только я ее дома оставил.

Володьша с сомнением посмотрел на меня и покачал головой:

– Зачем же ты ее оставил?.. Нешто думаешь тебе вот так все на слово поверят?..

– А я никому не собираюсь никаких слов давать! – Довольно резко ответил я, считывая, что этим ответом закончу наконец разговор о моем образовании.

Повернувшись в сторону дома, я принялся рассматривать это строение, однако Володьша не собирался закруглять столь интересовавшую его тему:

– С такой-то грамотой ты вполне мог поступить в книжню к самому Змею Горынычу!!

– Да не собираюсь я ни к какому Змею Горынычу поступать!!! – Рывкнул я в раздражении так, что Володьша в испуге присел, но тем не менее пробормотал:

– Ну чего ты так орешь?.. Я ж как лучше хотел подсказать...

Я в сердцах плюнул и двинулся в сторону дома. Ребята молча потопали за мной.

Мы были шагах наверное в десяти от фасада дома, когда среднее окошко вдруг распахнулось и оттуда раздался высокий с подвизгиванием женский голос:

– Это штой-то вы там по чужому двору шастаете?! Это штой-то вы там вынюхиваете-разыскиваете?!!

Я повернулся к Володьше чтобы спросить, кто это верещит таким противным голосом, и увидел, что на физиономии нашего проводника расцвела совершенно дурацкая, донельзя масляная улыбочка, что глазки его также замаслились до такой степени, что ничего вокруг не видят, а залоснившиеся губы тихо пришептывают:

– Никак сама Василисушка нас окликает... Голосок-то какой чудесный!..

Пока Володьша наслаждался переливами «чудесного голоска», а я с удивлением наблюдал за метаморфозами происходившими с Володьшей, наш старший лейтенант сохранял бодрый деловой настрой. Шагнув вперед, Макаронин громко и очень официально произнес:

– Вы, гражданочка, вместо того чтобы в окошко орать всякие слова непотребные, выйдите и объясните, на каком основании накладываете на свой плетень всякие опасные для жизни окружающих наговоры?!!

– Наш плетень!.. – Раздался в ответ все тот же повизгивающий голос. – Чего хотим, то и накладываем!!

– Да?!! – Немедленно возмутился Макаронин. – А если вам в голову придет на своем плетне гранаты развесить или мины под него заложить?!

– Развесим и заложим!!! – Мгновенно и безапелляционно заявил женский голос.

Да!!! – Вновь возмутился старший лейтенант. – А если кто-нибудь на них подорвется?!!

– Чего сделает?!! – Переспросила хозяйка дома с нескрываемым негодованием.

– Чего-чего!.. – передразнил ее Юрик. – Подорвется!!!

– Ага!! Как же!! – С непередаваемым сарказмом ответила девица. – Да пусть он только попробует... это... сделать, что ты сказал!! Да матушка ему за это все ноги-руки поотрывает!!

Вот тут Макаронин растерялся! Повернувшись в нашу сторону и посмотрев на Володьшу обалделым взглядом, он возмущенно поинтересовался:

– Слушай, эта твоя... Василисушка... она что – вообще?!!

– Не-е-е... – не переставая блаженно улыбаться, покачал головой Егоршин сын, – она... в общем...

Макаронин понял, что его... не понимают и попробовал пояснить:

– Да нет! Я спрашиваю, у этой твоей знакомой что – вообще крышу снесло?!!

– Ну, почему?.. – Удивился Володьша. – У нее крыша на месте... – И бегло оглядев стоявший перед нами дом, добавил, – И крыльцо на месте, и окна!..

Тут я понял, что ребята еще долго могут плутать в зарослях «оборотов речи» и вклинился в разговор с конкретным предложением:

– Слушай, Володьша, сын... этого... Егорши, может быть ты сам поговоришь со своей знакомой?..

Володьша сладко прижмурился и в голос пропел:

– Василисушка, выглянь на малую минуту, это я к тебе пришел!..

Из окна донеслось странное хрюканье, похожее на... смех, а затем раздался все тот же визгливый голосок:

– Да я вижу, что это ты пришел!.. И привел с собою еще двоих таких же... охламонов!!

– Василисушка!.. – Снова завел свою сладкую песенку Володьша, но на этот раз его грубо перебили:

– Так вот, как ты пришел, так можешь и убраться вместе со своими непутевыми друзьями!!! А то я сейчас рассержусь и спущу маменькин охранный наговор, вот тогда вам сладенько будет!!!

По ее тону я сразу понял, что под словом «сладенько» молодая хозяйка подразумевает какую-то чудовищную гадость. Поэтому, не давая нашему проводнику снова открыть рот, торопливо попросил:

– Ты, хозяйка, только скажи – девушка мимо твоей усадьбы не пробегала? И мы сразу уйдем!..

Последовало довольно долгое молчание, а затем дверь тихо скрипнула, и на крылечке показалась... Василисушка!

Я удивленно взглянул на продолжавшего масляно улыбаться Володьшу и вдруг вспомнил русскую народную пословицу насчет... любви, которая зла. Василисушка была вполне уже зрелой девицей удивительно маленького роста и удивительно пухленькой... Такой, знаете, про каких говорят, что у них щеки из-за спины видны! Темные живые глазки, просверкивающие в маленьких щелках, образованных щечками и надбровными дугами «красавицы» уставились в меня, словно изюмины из сдобной булки.

Я тоже присмотрелся к пассивности Володьши, что-то в ее облике было явно не так!

Несколько секунд мы помолчали.

Наконец, внимательно меня осмотрев и, видимо, удовлетворившись этим осмотром, «красавица» вдруг задорно улыбнулась и громко спросила:

– А кто тебе эта девчонка?!

Ответить я не успел, поскольку в разговор немедленно вмешался старший лейтенант:

– Вы, гражданочка, не задавайте пустопорожних вопросов, а отвечайте по существу!! Пробегала мимо вашего плетня девушка, и если пробегала, то в какую сторону?!

Хозяйка бросила на представителя власти короткий недобрый взгляд, и снова посмотрела на меня. Еще несколько секунд мы разглядывали друг друга, затем она машинальным движением почесала живот и совсем уже собралась что-то сказать, но на этот раз ее перебил Володьша, запевший своим масляным тенорком:

– Василисушка, краса моя писанная, не вынесешь ли водички?.. Так пить хочется!..

«Красавица» недобро взглянула на пристающего мужика и коротко кивнула в сторону колодца:

– Вон тебе водичка, из ведерка похлебаешь!.. – А затем, стрельнув глазом в сторону Макарониной, добавила. – И дружка своево захвати, того что «гражданочкой» обзывается!

– Кто обзывается!! – Взвился было наш «силовик», но вдруг повернулся к Володьше и быстро пробормотал. – Слушай, пойдем, правда, водички хлебнем, а то в горле сушь, как после Первого мая!!

– Как после чего?! – Разворачиваясь в сторону колодца, поинтересовался Володьша.

– После Первого мая, – повторил Юрик, укладывая свою ручищу Володыше на плечи и увлекая того к вожделенному источнику, – праздник такой... солидарности всего рабоче-крестьянского!

Ребята бодрым шагом устремились за угол дома, а Василисушка снова повернулась ко мне:

– Так кто она тебе?..

– Невеста! – Выпалил я уже подготовленный ответ.

– Невеста?.. – Медленно и слегка удивленно протянула девица, снова почесала живот и повторила, – невеста... Что ж ты за своей невестой не смотришь?!

– В отъезде был... – Пожал я плечами.

– Ага!.. – Василиса не отрывала глаз от моей физиономии, словно надеясь подловить меня на неверном выражении лица. Наконец ее пухлое личико как-то враз смягчилось, она облокотилась на перильца крыльца и произнесла с неподдельным сочувствием:

– Пробежала мимо нашего двора девчонка... Беленькая такая, чистенькая... Босенькая, а из одежки платишко короткое. Еще попить у меня попросила... И просила, что б я, если кто следом за ней пойдет и про нее спрашивать будет, ничего про нее не говорила!

– Что ж ты тогда рассказываешь, если она просила не говорить?.. – Переспросил я.

Василиса презрительно шмыгнула носом и с некоторым высокомерием ответила:

– А мне тебя жалко стало!.. Это ж надо, таким раззявой быть, чтоб собственную невесту потерять!

– А я ее еще не потерял! – Зло ответил я. – Вот догоню и верну назад!

– Ага, – усмехнулась девица, – догонишь, как же! Невеста-то твоя уже, небось, в столице, да у Горыныча под замком! Или ты в подвал к Змею Горынычу пробраться думаешь?!

– Подумаешь – в подвал!.. – В тон ей усмехнулся я. – Такой подвал, в который я не смог бы попасть еще не вырыли! Только с чего ты взяла, что она уже в столице?! Она ж совсем недавно, как я понял, мимо твоей усадьбы пробежала!..

Василиса легла животом на перила крыльца, изогнулась и посмотрела в небо.

– Недавно-то, недавно, а часа три точно уже прошло! Так что до подставы она добралась, а уж оттуда ее в столицу по воздуху доставили! Змей Горыныч ждать не любит, раз девицу себе приметил, так сделает, что ее сей час к нему доставят!

– Обрадовала!.. – Раздраженно протянул я и тут же поинтересовался. – А почему ты так уверена, что ее именно Змей Горыныч сманил?!

– Ха, – снова усмехнулась Василиса, – Точно сказал – сманил!! Потому и думаю, что это Змей Горыныч, что больше у нас никто так сманить не умеет.

И тут мое копившееся раздражение выплеснулось разъяренным воплем:

– Никто не умеет?! Да я сам из этого вашего Горыныча вытряхну его гнилую душонку и заставлю бегать за ней по всему вашему тухлому Миру, пока вся его змеиная суть сквозь шкуру жидкой дрянью не просочится!!! А потом обдеру с него эту шкуру и натяну на самом высоком дереве в назидание всем таким умельцам!!!

Девчонка отскочила за дверь, но не захлопнула ее, а, просунув голову в щель, заверещала дурным голосом:

– Ой, ой!!! Гляньте на него – обдерет... натянет... Смотри, как бы самого на что не натянули!!! Да наш Змей Горыныч таких, как ты по пять за раз проглатывает и не давится!!! Сам девку удержать не смог – руки-крюки, а сам обдирать-натягивать собрался!!! Ты сначала штаны на задницу натяни, чтобы не спадали, когда от Змея Горыныча удирать будешь!!!

Дверь с глухим стуком захлопнулась, и в тот же момент из-за угла дома выскочил Макаронин, размахивая деревянной бадейкой, в которой что-то плескалось.

– Сорока, ты что орал?! Тебе что, эта бабища на ногу наступила?!!

Следом за старшим лейтенантом вынесся Володыша с перекошенной физиономией и мокрой веревкой в руке. Вопил он не слабее Юрика:

– Василисушка, душа моя, тебя кто обидел?!? Пожалуйся мне, я тебя защищу-обороню!!!

В открытое окошко плеснуло нахальным визгом:

– Ой, защитник-оборонщик выискался!!! Радость-то какая неопишная!!! Я теперь каждую неделю День защитника-оборонщика отмечать буду!!!

Тут наступила короткая пауза, видимо «красавица» набирала побольше воздуха в свою обширную грудь, а затем последовал заключительный аккорд:

– Уматывай отсюда Володыша, видеть тебя больше не хочу!!! И дружков своих малыхольных утаскивай!!! А то я сейчас матушкино заклинание на вас напущу – так устанете медведями по лесу бегать!!!

Из бедного Володыша словно выпустили воздух, он весь как-то сразу обмяк, медленно повернулся ко мне и посмотрел на меня глазами побитой собаки:

– Что ты ей такое сказал?.. За что разобидел девушку?..

Физиономия его вдруг скривилась, так что я даже испугался, что он сейчас заплачет. Однако никаких слез не последовало. Наоборот, потряхнув головой, сын Егоршин вдруг достаточно грозно заявил:

– Ты что думаешь, если вот это умеешь... – он поводил перед собой ладонями, повторяя мои колдовские пассы, – ... так тебе уже и мирное население обижать можно?!

– Никто никого не обижал, – буркнул я в ответ, – так, поговорили немного!

– Как это – не обижал! – Взвился Володыша. – Как это не обижал, когда бедная девушка глотку себе сорвала, взывая, можно сказать, о помощи!!

– О помощи?!? – неожиданно подал голос Юрка Макаронина. – О какой помощи?!? Я такой ругани даже на нашем вокзале не слышал!! Этой... э-э-э... этой девочке свободно можно вышибалой у нас в «Лютике» работать, она своим визгом враз всех «в натуре» в чувство приведет.

Я хорошо знал заведение, о котором говорил Юрка, народ там собирался – сплошные монстры!

Володыша повернулся к Макаронине и укоризненно покачал головой:

– Вот от тебя я никак такого не ожидал, а еще опер... уполномоченный!.. Э-эх! Мы ж с тобой пили воду из одного ведра!!

– И что?! – Оторопел Юрик.

– И то!! – Содержательно ответил ему сын Егоршин.

Однако их интересная, познавательная беседа была прервана новым взрывом визга:

– Я кому сказала – уматывайте отсюда!!! Кончилось мое терпение!!!

И вдруг истошный визг сменился кошмарным утробным рыком:

– Изага-кончала!.. Карала-мурла!..

Сын Егоршин мгновенно пригнулся и, словно под обстрелом, бросился зигзагом в сторону плетня. Мы с Макарониным посмотрели друг на друга, и в этот момент Володыша, перемахнув изгородь, заорал:

– Бегите ребята!.. Она заклинание Лосихино с цепи спускает!!!

– Падрыдло-молчало!.. Орало-кварла!.. – Неслось из дома.

Юрка растерянно потер небритую щеку и, кивнув в сторону открытого окошка, спросил:

– Ты понял кто орало?..

– Кварла... – Пожал я плечами в ответ.

И тут из открытого окошка резкими, нервными толчками начали выплескиваться прозрачно-темные, какие-то нереальные клубы дыма.

Юрик отступил от дома шага на два и все с той же растерянностью проговорил:

– Глянь-ка, похоже у девки загорелось что-то!.. Может ей помощь нужна?!

Сделав пару шагов в сторону дома, он пригнулся, словно перед броском.

– С кварлой хочешь познакомиться?.. – Остановил я его.

– С какой кварлой?.. – Переспросил Юрик.

– Которая орало!.. – Пояснил я, и Макаронин с некоторой опаской посмотрел на дымящее окошко. А оттуда тем временем продолжали нестись непонятные слова:

– Ипадло-травило!.. К-ха!..

– Слышь, – шепотом выдохнул Юрик, – ругаться начала!

– Иклимс-дырбанул!.. К-ха, к-ха, кха!! – Хозяйке дома явно не хватало свежего воздуха.

– Кого-то убило, а я лишь всхрипнул! – Неожиданно для самого себя закончил я.

А из окошка несло сплошное: – К-ха, к-ха, к-хе, к-хе...

– Слышь, – снова шепнул старший лейтенант, – она, кажись, задыхается!

И вдруг он в полный голос заорал:

– Держись, девка, щас я тебя вытащу!!!

На этот раз я не успел остановить нашу доблестную милицию. Старший лейтенант стремительным броском преодолел остававшиеся до стены дома пять метров и рыбкой нырнул в открытое окошко, совершенно заволоченное дымом!

Как он ухитрился безо всякой магии допрыгнуть до окна, которое располагалось в паре метров над землей, и самое главное, как он попал в это окно, совершенно невидимое в дыму, а не врезался башкой в стену, для меня до сих пор является загадкой, но спустя два десятка секунд, дверь дома распахнулась, и на крыльцо вывалился Макаронин. Живой и здоровый! А на его могучем плечике обвисла маленькая тоненькая девчушка с распущенными по макаронинской спине длинными, спутанными черными волосами.

Сиганув на землю мимо ступенек и отбежав от дома на пяток шагов, Юрик присел на одно колено и осторожно опустил девчонку на травку. Затем, склонившись над девчушкой, грубый Юрик неожиданно жалостливым тоном прошептал, обращаясь ко мне:

– Ты искусственное дыхание когда-нибудь делал?..

Я присел рядом на корточки и отрицательно покачал головой, на сводя глаз с миловидного тонкого личика со вздернутым носиком и длинными, темными ресницами, прикрывшими глаза.

– Вот и я... только в теории... А девчонка, похоже, наглоталась этого дыма!.. Руки-то ей качать теперь, пожалуй, бесполезно, придется это... рот в рот... дышать!..

– Слушай... – проговорил я, не обращая внимания на его, столь необычный, тон, – Ты откуда эту девчушку взял?!

– Как это – откуда?! – Не понял Юрик. – Из дома! Ты же сам видел, откуда я вышел!

– А ты не находишь, что с нами разговаривала совсем другая... э-э-э... девушка?!

Юрик внимательно посмотрел на спасенную и почесал в затылке:

– Знаешь, я какую нащупал, ту и вытащил!.. Может их там еще... три?!

Мы подняли головы и посмотрели на все еще дымящее окошко.

– Только они... это... не задыхаются!.. – Добавил Юрка Макаронина, которому явно не хотелось еще раз забираться в задымленное помещение.

– Ну, три вряд ли, – задумчиво не согласился я со старшим лейтенантом, – а вот еще одна точно должна быть!

– Не... Никого там больше нет!.. – Уверенно прозвучал из-за моего плеча голос Володьши, – У Лосихи только одна дочка есть – вот эта!

– Эта?! – Недоверчиво переспросил Юрик. – Тогда та, кто была?!

И он потряс около своей физиономии сложенными лодочкой ладонями, показывая ширину щек явленной нам Василисушки.

– Та – это тоже эта... – не совсем понятно пояснил Володьша, – просто Лосиха заклинание на дочку накладывает... Чтобы, значит, того... не позарился злой человек!..

Он склонился над все еще неподвижно лежащей девушкой и негромко добавил:

– Эх, ребята, знали бы вы, на кого я только не насмотрелся здесь! Сегодня еще ничего... а вот пять дней назад со мной василиск разговаривал... Как только я в камень не превратился!.. Вот тогда и решил уходить отсюда...

– Бреешь!.. – Изумленно проговорил старший лейтенант, в свою очередь наклоняясь на девушкой.

Я тоже посмотрел на лежащую девчушку, и в этот момент раздался странный, короткий глухой стук, и Володьша без звука рухнул носом в траву рядом с девчонкой.

Юрик коротким, резким движением отклонился в сторону, и в то же мгновение рядом с его головой просвистел конец здоровенной узловатой дубины. А старший лейтенант непонятным образом изменил направление движения своего тела и вместе со смачным, чуть хриловатым выкриком резко выметнул вправо руку со сжатым кулаком. С другой стороны от девчонки мягко улеглось тело здоровенной тетеньки, наряженной в длинную темную юбку и короткий, наглухо застегнутый плюшевый жакет, над воротом которого тонкой полоской красовался воротник светлой кофточки. Из-под края юбки вызывающе торчали тетнины ноги, босые и грязные.

Я немного растерянно почесал щеку и с глупым смешком поинтересовался:

– За что ты, Юрик, тетеньку уделал?..

– За Вовика, за нашего... – совершенно спокойно, с полной уверенностью в своей правоте ответил старший лейтенант. А затем пояснил еще для непонятливых:

– Это ж она Вову дубиной своей по затылку приласкала.

Мы оглядели отдыхающих на травке субъектов, а затем, не сговариваясь перевели взгляды на открытое окно дома. Дым из него валить перестал, хотя горелым все еще поваживало. Юрик поскреб затылок, посмотрел на меня и неуверенно проговорил:

– Вообще-то мы вроде бы как... торопимся... Но и оставлять их здесь...

– Тем более неизвестно, кто из них первым придет в себя! – Подхватил я его мысль.

– Да! Если это будет... тетенька, тогда нашему... этому... – Старший лейтенант мотнул головой в сторону Володьши, – ...сыну Егоршину точно не поздоровится! А ежели тетенька дубину свою разыщет, то и до смертоубийства дело дойти может!..

– Вообще-то, эта тетенька и без дубины Володьшу запросто изничтожит, – задумчиво констатировал я, а затем самым что ни на есть бодрым тоном скомандовал, – а ну, бери за ноги!..

Макаронина, снова взглянув на меня каким-то странным, чуть диловатым взглядом, спросил:

– Кого?!

– Начнем по старшинству и по тяжести полученного увечья. – Предложил я.

Юрик тут же, без тени сомнения, ухватился за грязные лодыжки незнакомой тетки. У меня мелькнула мысль, что при таком раскладе основная тяжесть транспортировки падает на меня, но делать было нечего – сам предложил! Просунув руки тетеньке подмышки, я поднапрягся и оторвал-таки ее грузное тело от земли. Юрка, пятясь, посеменял к крыльцу, я, естественно посеменял следом за ним. Когда старший лейтенант начал подниматься по ступенькам, тетенькина юбка медленно поползла вверх, открывая толстые грязные коленки. Юрик демонстративно отвернулся и ускорил шаг.

Наконец мы затащили хозяйку «гасьенды» в дом. Более того, миновав большую переднюю комнату, мы пронесли ее в заднюю горенку и немного покряхтев, уложили на высокую кровать.

Быстро вернувшись во двор, мы приняли на руки остальных двух пострадавших, причем мне досталась девчушка, а Макаронина подхватил Володышу. Этим мы разместили в большой комнате: девушку на огромном, покрытом толстым лоскутным покрывалом, сундуке, а Володышу на длинной лавке, стоявшей вдоль стены.

Оглядев пострадавших, Юрик негромко крикнул и довольно заявил:

– Ну вот, теперь и уходить не стыдно – все пристроены, всем удобно.

– Куда это ты уходить собрался?! – Раздался вдруг вполне добродушный низкий женский голос.

Мы повернулись в его сторону и увидели, что в дверях, ведущих в маленькую заднюю горенку стоит «тетенька», что одна рука у нее уперта в бок, а вторая – правая, спрятана за спину.

«Напрасно, выходит, мы ее тащили, – огорченно подумал я, – она вполне могла и сама дойти!»

– Так, это... – довольно развязным, и в то же время слегка неуверенным тоном заговорил Макаронин, – ... дела у нас... срочные... Торопиться нам надо! – И повернувшись ко мне, он гораздо увереннее добавил. – Правда, Сорока?!

Тетенька неторопливо перевела взгляд со старшего лейтенанта на меня, затем обратно на старшего лейтенанта и прежним добродушным тоном поинтересовалась:

– И кто же это из вас мое сторожевое заклинание потер?!

Мы с Юриком, не сговариваясь, посмотрели на тихо лежащего Володышу, но Лосиха, а это без сомнения была она, тут же добавила с коротким смешком:

– Не-е-е... Володыша, конечно, парень юркий, но с колдовством-ведовством не связанный! Это кто-то из вас двоих!..

Я с кривоватой улыбкой пожал плечами:

– Ну, я заклинание... «потер». Только ведь и не твое оно было!

Лосиха с нескрываемым интересом оглядела меня и словно бы про себя пробормотала:

– Ишь ты, и это учуял!..

А затем, хмыкнув и покрутив головой, спросила:

– А что, дорогой-хороший, может ты мне на плетень новое заклинание наложишь?.. Нам ведь с дочкой в нашей-то глухомани без серьезной охраны ну никак нельзя, а где здесь хорошего колдуна взять?!

Я в легком недоумении пожал плечами:

– Да ты и сама, вроде бы, кое-что умеешь... Вон из дочки какую... э-э-э... «красавицу» смастерила, позавидовать можно!

– Где уж там – сама, – вздохнула тетенька, – Это у меня палочка такая есть... дареная! Так она кроме как образину наложить, почитай, ничего и не умеет... К тому же тоже, того гляди... это... сработается...

И тут вдруг Лосиха запрокинула голову и завывала с подвизгиванием:

– И никому-то мы, сиротинушки, не нужны!.. И никто-то нас, сиротинушек не защитит, не оборонит!.. Погрызут нас звери лютые, обидит-изгадит лихой человек!..

– Вы, гражданочка, чем в голос завывать, объясните лучше поведение свое антиобщественное! – Грубо прервал ее вой бесчувственный Макаронин. – Вы за что дубинкой своей Володыше башку снесли!! Он и так на голову слабый был, а теперь и вовсе соображать перестанет!!!

Тетенька мгновенно смолкла, сурово покосилась на нетактичного старшего лейтенанта и совершенно спокойным тоном ответствовала:

– Ничего с его головой не случится! А вмазала я ему, как предупреждала – говорила, не пяль zenки свои бесстыжие на Василису, или по башке схлопочешь?! Говорила!! Застала его прям-таки за этим занятием?! Застала!! Вот и вмазала!!!

– Да?! – Возмущенно переспросил Юрик. – А мне по башке почему без предупреждения целила?!!

– А что б ты, милоч, на чужую девку слюни не пускал!!! – Гаркнула в ответ Лосиха. – Думаешь, я не видела, какими ты глазищами на дочку мою смотрел?! Ты ж ее... это... вожде-лел!!!

– Куда?! Кого?! Тьфу ты!.. Когда?! – Совершенно растерялся Макаронин.

– Тогда!!! – отрезала Лосиха. И тут же совершенно не по теме добавила:

– А еще кулаками махает!!! Следующий раз помахает у меня!! Помахает!! Так в ответ махну, что имя-прозвище свое забудешь!!!

– Но-но, гражданочка, попрошу без угроз в адрес представителя закона! – С суровой строгостью проговорил Юрка. – А то и на пятнадцать суток загреметь можно!!

– Я те дам... Как сказал?.. Градамочку... – С угрожающим присвистом просипела Лосиха. – Ты у меня сам градамочкой щас станешь и разговаривать будешь тоненько-тоненько!!

Тетенька потянула правую руку из-за спины, и вытащила на свет божий здоровенную заржавленную саблю!

– Так! – Совершенно спокойным тоном констатировал старший лейтенант, – применение холодного оружия против представителя правоохранительных органов!! Статья двести пятьдесят вторая Уголовного кодекса!! Пять лет тебе тетка светит!!

В ответ на его замечание Лосиха нехорошо ощерилась темноватыми зубами и гнусаво-ласково проговорила:

– Мне-то пять лет светит, а тебе и двух мгновений светить не будет! Щас я тебе и правые, и левые охренительные органы оттяпаю!! И вот тогда будет тебе, милоч, полный уголовной комикс со всеми статьями сразу!!

Тетенька прыгнула к Макаронину, замахиваясь в броске своей здоровенной ржавой железкой, а тот, вместо того, чтобы, как, видимо, ожидала местная ниндзя, дать деру, бросился ей навстречу. И эта встреча состоялась буквально сразу же – острие древнего оружия встретило в замахе низкий потолок комнаты и застряло в нем, а каблук макаронинского кирзового сапога наткнулся на упитанный живот тетеньки. Лосиха выпустила рукоять повисшей сабли, хрюкнула, икнула, медленно согнулась пополам и тихо улеглась на чистый лоскутный половичок.

Макаронин конфузливо улыбнулся, а я поскреб начавшую пробиваться на щеке щетину и спросил:

– Слушай, Макаронина, ты за что эту тетеньку так невзлюбил?! Посмотри, за какие-то пятнадцать минут, ты ее второй раз вырубает!!..

Юрик снова улыбнулся и пожал плечами:

– У меня, понимаешь, условный рефлекс...

– Какой рефлекс, – перебил его я с живым интересом, – толстых рослых тётек рубить?! Это какой же Павлов тебе такой рефлекс оригинальный привил?!

– Да нет!.. – Досадливо отмахнулся Юрка от моих домыслов. – Я ж всего месяц назад закончил спецкурсы по борьбе с организованной преступностью... Ну, вот и... того... этого... чуть какое... поползновение, у меня сразу рефлекс включается. А у этой тетки одни сплошные поползновения: то с дубиной, то, понимаешь, вообще с холодным вооружением наперевес!..

Мы с Макарониной снова уставились на «замиренную организованную преступность», раздумывая, что же нам делать дальше, и в этот момент за моей спиной раздался мелодичный девичий голосок:

– Ой, а вы все еще не ушли?.. Ой, а кто это вас в дом пустил?..

Мы разом повернулись, как будто специально для того, чтобы встретить, так сказать, лицом к лицу последний, самый сложный вопрос очнувшейся Василисы:

– Ой, а что это матушка на половичке улеглась?!

– Э-э-э... – протянул растерявшийся в очередной раз Макаронин, – да вот... притомилась... прилегла, так сказать, восстановить гаснущие силы... дубинка у ней тяжеловата оказалась...

– А кто дедов палаш в потолок воткнул? – Не унималась любопытная девчонка.

– А палаш... – Я шагнул вперед и выдернул саблю из потолочной балки, – ... мне матушка твоя вынесла. Он мне нужен, чтобы новое охранное заклинание на ваш плетень навести.

Взвесив на руке сабельку, я со значением посмотрел на Макаронина?

– Слушай, Юрик, а не выкопаешь ли ты мне прям в воротах этой... «гасенды» небольшую такую канавку: аккурат в размер вот этой железки. Только канавка должна быть глубокой, не меньше полметра, чтобы запаха железа не чуялось! А я пока хозяйками займусь и... Володышей нашим.

Похоже мое предложение пришлось Юрику как нельзя более по нраву. Он быстренько выхватил из моих рук «дедов палаш» и, не говоря ни слова, вышел из дома.

А я подошел к мирно лежащей тетке Лосихе и склонился над ее бездыханным телом.

– Ты это что собираешься делать?.. – Снова раздался на этот раз довольно встревоженный голосок Василисы.

– Ну, надо же хозяйку в чувство привести!.. – Полувопросительно ответил я, словно сомневаясь, а надо ли?!

– Не надо!.. – Подтвердила мои сомнения Василиса. Она успела вскочить со своего сундука и встать рядом со мной. – Когда ей надо будет, она сама в чувство придет.

– Ну что ж, не буду с тобой спорить, – согласился я, – значит мы можем сосредоточиться на ее жертве.

– На какой ее жертве?.. – удивилась девушка и, быстро оглядев комнату, кивнула в сторону мирно лежащего Володыши, – на этой что ли?!

– Именно на ней, – подтвердил я, – нам, знаешь ли, надо дальше двигаться, мы и так слишком тут у вас задержались, а я Володыше обещал с собой его взять.

– Он что, с вами уходит?.. – Спросила Василиса, и в ее голосе просквозило легкое удивление.

– Собирался... – коротко ответил я, склоняясь на ушибленным, – но теперь уж и не знаю...

– Но если вы торопитесь... – Вроде бы как раздумчиво проговорила девушка и тут же торопливо переспросила, – Вы ведь торопитесь?!

Я утвердительно кивнул и она продолжила:

– Тогда может быть...

Однако ей не дали договорить, что именно «может быть», позади нас раздался голос вновь очнувшейся «тетеньки»:

– Куда это они торопятся?!

Я быстро обернулся. Лисиха уже не лежала на половичке, а сидела, не сводя пристального взгляда с моей скромной персоны. Впрочем, отвечать на ее вопрос мне не пришлось, за меня это сделала Василиса:

– Они торопятся девушку перехватить! Ту, которая утром мимо нашей усадьбы пробежала!..

– Так вы уже опоздали ее перехватывать ... – С нехорошей усмешкой высказалась «тетенька», по-прежнему не сводя с меня глаз. – Она, поди, уже у Змея Горыныча в палатах обретается... Да и к чему такая спешка?..

Не договорила фразу она, как я сразу понял, специально, вызывая меня на вопрос. Я его и задал:

– Что значит – к чему спешка?! К тому и спешка, чтобы не попала она к вашему... этому... Змею Горынычу... Или ты думаешь, что она по доброй воле в это... путешествие отправилась?! Это, наверняка, ваш Змей ее заставил!!

– Конечно, Змей заставил, – неожиданно легко согласилась Лосиха, – только вот что другое заставить девчонку сделать он и не может...

– Что другое?.. – Я изобразил полное непонимание.

– Полюбить себя, например! – Охотно пояснила «тетенька». – И приневолить за себя идти он не может – это все по любви должно быть. Ну, конечно, Змей Горыныч – видный из себя парень, это надо правду сказать, а только коли не захочет девка за него идти, так и все тут! Так что, если свободно у девчушки сердечко, то ты все едино опоздал, а ежели есть у нее кто-то дорогой... – Тут она как-то особенно стрельнула глазом, – так и не торопясь успеешь!

«А есть ли у нее кто-то дорогой?.. – С тоской подумал я. – Может я вообще... зря через ту корягу сунулся?..»

И в этот момент в нагрудном кармане моей куртки зашевелился... игрушечный медвежонок, словно напоминая мне, что я «через ту корягу» сунулся не по своему хотению!

– А вы, гражданочка, не предусматриваете возможности насилия со стороны этого вашего Змея Горыныча?..

Вопрос задал Макаронин, всунувшись в окно. Физиономия у него была красная и вспотевшая, то ли из-за копки заказанной мной канавки, то ли из-за усилий добраться до окошка.

Лосиха, не поворачиваясь, скосила один глаз на окошко и нехорошим, «ласковым» тоном проговорила:

– А ты, косатик, копай... копай... И не суйся в чужой разговор!.. Твой разговор еще впереди!..

«Выходит „тетенька“ ни в какой отключке и не была!.. – Мелькнула у меня мгновенная мысль. – Выходит она все, что говорилось в комнате слышала!..»

Очевидно, в голове Макаронины появилась эта же мыслишка, потому как, фыркнув, но ничего не ответив на высказывание хозяйки, он исчез из окошка.

Лосиха же, снова уставившись на меня, спокойно пояснила:

– Сильничать Змей Горыныч не будет... Зачем ему это. Девку соблазнить надо – она тогда слаще!

Василиса вдруг мотнула головой и чуть ли не бегом бросилась вон из комнаты. А Лосиха с самым довольным видом вывела заключение:

– Так что оставайтесь! Поужинаете, переночуете, а поутру, по свежему воздушочку и двинетесь. К тому времени и Володьша в себя придет, и ты заклинание новое на плетень на наш положить успеешь! Я вам с собой и харчишек на дорогу положу – вам же не ближний свет топать, как без харчишек-то. Ну и, конечно... к-хм...

«Тетенька» не договорила, но в последней, оборванной ею фразе я почувствовал некую угрозу.

И тут в окошко снова донесся голос Юрика, хотя физиономия его на этот раз не появилась:

– Давай, Сорока, задержимся! Что на ночь глядя куда-то тащиться, да и хозяйкам помочь надо... Если ты, конечно, можешь!..

– Он может... может!.. – Ласково пропела Лосиха и вдруг улыбнулась. Не ухмыльнулась, а именно улыбнулась, открыто и... ласково.

И что мне оставалось делать?! Я сразу же согласился с ее предложением, тем более, что и Юрик его поддержал.

Глава третья

*Я Водяной, я Водяной,
Никто не водится со мной...*
(Песенка из мультфильма)

*...Всяка нечисть бродит тучей,
На прохожих сея страх...*
(Песня народная, слова и музыка В. Высоцкого)

*А по дому Барабашка
Ходит-бродит с вострой шапкой...*
(Первый стих четырехлетнего ребенка)

С помощью Макаронина я установил вокруг усадьбы Лосихи новое охранное заклинание да вдобавок развесил по ближайшим соснам сторожевые маячки, так что теперь к плетню невозможно было подойти незамеченным даже самой темной ночью.

Лосиха, правда, очень настаивала на проведении «ходовых испытаний» и при этом заговорщицки мне подмигивала и кивала в сторону Володьши, внимательно наблюдавшего за моими действиями. Однако, я категорически отказался ставить эксперименты на совершенно безобидном человеке. Тетка было обиделась, но затем, минут на десять куда-то отлучившись, вдруг пришла во вполне благодушное настроение. Она даже выставила угощение «работничкам» и непривычно многословно рассыпалась в благодарностях.

Так что часа четыре спустя, мы, сытые и слегка пьяные, сидели во дворе на бревнышке, смотрели в ночное, изузоренное звездами небо и тихо, лениво наслаждались покоем.

Володьша давно очнувшийся, или сказать вернее, проснувшийся, поскольку, как оказалось, дубинка Лосихи была наговоренной и не «ушибала» свою жертву, а всего-навсего усыпляла ее, внимательно слушал ленивые сетования старшего лейтенанта по поводу отсутствия в этом уединенном месте электричества, радио, телевидения и даже газет, и, как следствие этого, полного отрывы от жизни страны.

Наконец Юрик замолчал, заворочался и, покряхтивая, поднялся на ноги.

– Пойду, прогуляюсь до ближайшего лесочка, – заявил Юрка Макаронина, довольно потягиваясь, – Надо перед сном освободить мочевого пузырь!

Развернувшись, он направился к плетню, на ходу прищелкивая пальцами и с удовольствием наблюдая, как послушная заклинанию изгородь прижимается к земле.

Шаги Макаронина стихли, и тогда заговорил Володьша:

– Чем больше я за вами наблюдаю... – он бросил в мою сторону быстрый взгляд, и торопливо вставил, – только ты не обижайся!..

– Ну с чего мне обижаться?! – Ухмыльнулся я, догадываясь о чем пойдет речь.

– Ага... – успокоено констатировал Володьша. – Так вот, чем больше я за вами наблюдаю, тем непонятнее вы для меня становитесь. Вот сейчас твой... э-э-э... друг говорил про какие-то странные, совершенно неизвестные и невероятные вещи... Что такое – радио, и как его слушают?.. Кто такой теле...вин. зер и зачем его... смотрят?! А насчет... гап... зеп... твы... тут уж я совсем ничего не понял!!

Володьша помолчал, задумчиво опустив глаза, а затем продолжил свои размышления:

– А уж его заверения, что он состоит на службе у самого Змея Горыныча и занимает там какое-то особое место, так они просто... э-э-э... невероятны!!

– Когда это Макаронина говорил, что состоит на службе у Змея Горыныча?.. – Лениво удивился я.

– Как – «когда»? – Чуть оживившись переспросил Володьша. – Он же постоянно называет себя «представитель власти при исполнении служебных обязанностей» и... это... обещает всех и за все... жестоко покарать. Причем, как я понял, карать будет не сам старший... этот... лейте... нам Макаронина, а кто-то, занимающий гораздо более высокий пост, чуть ли не сам Змей Горыныч! Вот и выходит, что этот... твой... Макаронина состоит на службе у Горыныча и занимает весьма высокий пост... Только... он ведь все врет! – Неожиданно подвел черту местный философ.

– Ну... вообще-то... да!.. – Вынужден был согласиться я. – Только Юрик не врет, там где мы... э-э-э... Там откуда мы пришли, он действительно состоит на... э-э-э... государственной службе и занимает определенный пост. Просто он никак не может понять... или принять... что мы с ним находимся уже в другом Мире.

– А, так вы пришлецы! – С облегчением и даже с каким-то удовольствием протянул Володьша, – ну тогда все ясно!!

– Я смотрю, для тебя «пришлецы» довольно обычное явление?! – Переспросил я его. Мне стало интересно, как часто попадают в этот Мир «чужие».

– Нет, конечно, – поспешно ответил Володьша и поскреб свой затылок, – я сам никогда с пришлецами не встречался, тем более с пришлецами-магами... Но вообще-то в этих местах пришлецы объявлялись довольно часто особенно в старые времена.

– В старые времена? – Переспросил я.

– Ну да, – спокойно, как о нечто само собой разумеющимся сообщил Володьша, – лет этак двести-триста назад почитай каждый год несколько штук появлялось. Ну, сейчас, конечно, они выпадают гораздо реже. А то, что вы пришлецы, очень хорошо объясняет и ваше поведение, и ваши разговоры!

«Ишь ты, „выпадают“!.. Пришлецы у них здесь, выходит, вроде осадков!» – Подумал я с усмешкой.

Володьша, между тем, еще раз поскреб затылок и, вдруг озаботившись, добавил:

– Только вам будет очень сложно... тут у нас... Вы ж ведь ничегошеньки не знаете!..

– Да мы ничего и узнавать не собираемся! – Я пожал плечами. – Наша задача отыскать девушку и забрать ее домой.

– Девчушка-то, получается, тоже пришлец... – Раздумчиво проговорил Володьша. – То-то я сразу заметил – какая-то она не такая!

– Она такая, как надо! – Жестко осадил я разговорившегося мужика. – Это ваш Змей... Горилыч какой-то не такой! Ну да ничего, мы со старшим лейтенантом мозги ему вправим!!

Володьша бросил в мою сторону быстрый косой взгляд и едва заметно покачал головой.

– Сомневаешься?! – С усмешечкой спросил я.

– Сомневаюсь! – С некоторой отчаинкой в голосе выдохнул Володьша, и поспешил объясниться. – Нет, ты, конечно, серьезный колдун, только ведь ничегошеньки об Змее Горыныче не знаешь! А когда так, то как ты можешь колдовство-то свое применить, может оно Змею-то только на пользу пойдет!!

– Здесь ты прав, – согласился я, и почувствовал, как Володьша с облегчением вздохнул – видимо он опасался, что я рассержусь. Однако, я и не думал раздражаться. Вместо этого я самым благодушным тоном, но с определенной целью продолжил:

– Информация о Змее, да и вообще обо всем вашем Мире, мне конечно нужна. Так ведь я и завтра утром собираюсь в драку лезть. Если мне Людмилу не удастся по дороге перехватить, то пока мы до столицы вашей доберемся, многое можно будет узнать и... понять.

Я взглянул на Володьшу и добавил:

– Вот и ты, наверняка, тоже можешь порассказать интересного!..

– Конечно могу, – неожиданно легко согласился Володьша, – я ж до побега в департаменте слухов и домыслов трудился – почитай в самой информированной службе. А когда прежний-то Змей того... удалился от дел...

– Постой, – перебил я его, – давай-ка по порядку! У вас тут что, власть недавно поменялась?!

– Поменялась... – Со вздохом подтвердил Володьша.

– Рассказывай! – Потребовал я.

– Что?! – Удивленно вскинулся Володьша.

– А все! Все, что знаешь, все, как было, с самого начала!

– Ну, с самого-то начала теперь вряд ли кто сможет рассказать, да и как на самом деле было я тоже не знаю... – несколько неуверенно протянул мужик, – Могу рассказать только то, что, в общем-то, все знают... Ну, может быть, с кое-какими подробностями.

– Давай с «кое-какими подробностями!» – Согласился я.

Володьша помолчал, собираясь, видимо, с мыслями, а затем заговорил напевно, словно рассказывая древнюю балладу:

– До совсем недавнего времени государством нашим правил ужасно могучий Змей Горыныч по прозванию Поллитрбурло. Головы у него были все как одна мудрые, крылья, по двенадцати сажён, да с подкрылками и элеронами, а лапы – жуть! Каждый коготь по полтора десятка вершков чистой кованой кости! Когда Поллитрбурло на трибуне во время военных парадов стоял, народ от восторга орал, от страха писался!

А всего голов у Поллитрбурла было не то двенадцать, не то четырнадцать, а иногда может даже и восемнадцать! Правил Поллитрбурло лет сто или даже поболее, и, поскольку голов у него было... того... много, бдил за всем, что в государстве делалось! Каждая голова свое дело наблюдала. Ты себе представить не можешь, но даже железо и уголь кузнецам выдавали столько, сколько Поллитрбурло назначал, ну и конечно кузнецы эти ковать могли только то, что им Поллитрбурло предписывал.

Конечно, у Змея Горыныча Поллитрбурла было много этих... помощников – всякие там дьяки, подьячие, видальники, гримзы, столовертухи, мянисты, а уж мелких людишек, всяких там верхних ниженеров и просто ниженеров – так тех без счету.

И ты знаешь какое у нас тогда было сильное государство?! Армия была – все соседи плохо спали, одних главных полководцев в звании дегенералмиусиусов аж сто двадцать две штуки было, а ведь под каждым тыщ по триста воинов разного звания ходило!

«Врет! – Немедленно подумал я. – Не может быть в этом... к-хм... государстве такой армии!» – Но перебивать не стал, а Володьша вдохновенно врал дальше:

– В общем, крепкая была держава! Ну, конечно торговля процветала – торговлей-то тоже Поллитрбурло командовал. Одной живой воды в другие страны тыщу цистернов в год продавали!!

Тут Володьша чуть сбился, посмотрел на меня и поинтересовался:

– Ты знаешь, что такое цистерн?!

– Ну-у-у... – неуверенно протянул я, – догадываюсь, что много!

– Цистерн – сто бочков, бочк – двести ведров, ведр – триста штофцев, штофц – четырехста стаканцев, стаканец – пятьсот стопков, стопк – шестьсот каплев, капль... – Володьша смолк, чуть подумал и закончил, – ну, капль – он капль и есть, чего его делить!

Он снова немного помолчал, но почувствовав мое внимание к своему рассказу, продолжил.

– Так вот! Лет пятнадцать назад главная голова Поллитрбурла, которую завали Первак Секретут стала сбой давать – то память откажет, то счет забудет, то язык начнет заплетаться, а брови у ней выросли, аж глаз не видеть стало. Ну, ты знаешь, густые да косматые брови к

старости отрастают! Пока другие головы думали, как ей помочь, она окончательно... того. Ну, тут и началось!!

Оставшиеся сиротами головы все, как одна, главными захотели стать, а прямо заявить об этом им почему-то стыдно было – положено, вишь ты, мирно договариваться, чтоб, понимаешь, тебя все остальные признали! Ну, покрутились, покрутились они – выбрали одну... Да только голова эта малоопытная была. Начала она туда-сюда кидаться, все, значит, искала чем бы таким действенным жизнь людям улучшить. Сперва решила бражку запретить! Представляешь?! Ну, оно конечно, запретила... Все запретила – и пиво, и медовуху, и настойки-наливки всякие, и квас-ситро, а уж чистую бражку, так ту вовсе врагом народа объявила. Короче, совсем у державного люда радости не стало! Потом голова пообещала армию сократить, поскольку хлеба на прокорм ее не стало! Ну, сам понимаешь, как это известие встретили все дегенералмиусиусы, и те, кто под ними ходили! Потом вдруг разрешила кузнецам ковать что кто хочет, столярам строгать что кто хочет, вот только ни железа, ни леса, ни угля выдавать совсем не стала – нет говорит больше ни железа, ни леса, ни угля!

Года два она так вот кувыркалась, а потом мы вдруг узнаем, что издох наш Поллитр-бурло совсем, а головы его кто куда расползлись и там объявили сами себя главными... кто кем... Ну, кто Змеем, опять же Горынычем, а кто Гюрзой Анакондовичем, это уж кому как нравилось. Не все, правда, на новом месте прижились, некоторых вскорости задавили местные... к-хм... Змееныши Горыновичи, но я не про то...

Мы-то даже растеряться не успели, как в столице у нас новый Змей Горыныч объявился! Звать его Плюралобус Гдемордакрат, и голова у него всего одна, но... лихая! Этот... Плюралобус сразу и бражку, и пиво, и все остальное ситро разрешил!.. То есть разрешил и делать самим, и продавать, и пить, и на землю лить! И не только это разрешил, но и все остальное тоже... То есть – все!!

Ну, тут, конечно, без драки не обошлось – человек, ведь, каждый хочет побольше под себя захватить, и всего всем всегда не хватает. Некоторые так и до смерти... нахапались, но постепенно все как-то образовалось и теперь мы живем в полной свободе, правда, у большинства кроме этой свободы ничего и нет!.. Вот хотя бы у меня...

Тут Володбша вдруг повесил голову, задумался.

Над усадьбой, над окружающим ее лесом, да, пожалуй, и над всем этим Миром повисла ласковая теплая тишина, сдобренная монотонным стрекотанием сверчков, совсем, впрочем, не нарушающим ее. Я раздумывал о... кратности Миров и Событий, а Володыша негромко сопел, то ли засыпая, то ли припоминая какую-то давнюю обиду.

Минуты три мы молчали, и вдруг Володыша снова заговорил, резко, с каким-то внутренним надрывом:

– Таких этот Плюралобус кадров набрал – все сплошь каторжане-душегубцы, хоть и учились они в фрязинских гуниверситетах!! Говорят – что песню душевную льют, заслушаешься, а на деле!.. Я б им всем... – Тут он, не договаривая, скрипнул зубами, и, секунду спустя, продолжил чуть спокойнее. – И, главное, этого... Плюралобуса Гдемордакрата... вся сушая нечисть поддерживает. Народ еще туда-сюда, серединка-наполовинку, многие в сомнении, а домовые, овинники, кикиморы, мокруши, лоскотухи, водяные шишки, егозы, а особенно мары запечельные да банники – все, как один за нового Змея Горыныча!! Чем он им подмаслил, никто понять не может... Правда, надо признать, он на ихнем языке, как на своем собственном чешет!!

И в этот момент благодатная тишина разлитая в Мире была нарушена самым грубым образом. Где-то в лесу, совсем недалеко от лосихиной изгороди, кто-то неожиданно завопил высоким женским голосом, и вопль этот был буквально напоен ужасом! А затем вдруг раздался какой-то ненормальный хохот, словно в один миг расщекотали десятка два девок!

От неожиданности я вскочил со своего бревнышка. Володьша тоже оказался на ногах, и вытянув шею, прислушивался к звукам, доносившимся из леса. Скопив один глаз на меня, он вдруг произнес трагическим шепотом:

– Ну, похоже, твой друг Макаронина добрался до озера!..

– До какого озера?! – Не понял я.

– До Лешего... Оно тут, недалеко...

Этот ответ мало что прояснил для меня, но я решил не разбираться с названиями местных озер, а перейти к сути вопроса:

– Ты думаешь, это Макаронина вопил?!

Физиономия у Володьши стала удивленной, и он энергично мотнул головой:

– Нет... Как старший лейтенант мог бы так вопить?.. Это лоскотухи... от радости!..

– Какие лоскотухи, от какой радости?.. – Снова удивился я. – Мне показалось, что там кого-то задавили на глазах у толпы девок. И девкам этот номер очень понравился!

И снова последовал быстрый, чуть удивленный взгляд Володьши.

– Так... может быть и... задавили... уже... – как-то слишком уж раздумчиво произнес он, – ...только вряд ли. Обычно лоскотухи поиграть с добычей любят, пощекотать... до смерти...

– С Макарониным поиграть?.. – Переспросил я.

– Ну, это если это он до озера дошел... – по-прежнему не слишком понятно отозвался Володьша.

– Да если б Юрик до озера дошел и такой вопль услышал, то он наверняка уже назад прибежал бы!

– Так он этот вопль и не услышал, – все в том же раздумчивом тоне отозвался Володьша, – он услышал, то что лоскотухи ему в уши сунули!..

Мне надоела эта игра в неразумные вопросы и непонятные ответы, я шагнул в сторону плетня и быстро проговорил:

– Я, пожалуй, тоже прогуляюсь до... озера!

– Я с тобой! – быстро отозвался Володьша, самым категоричным тоном не давая мне возможности отказать ему в совместной прогулке. Правда, я и не думал возражать.

Через пару минут мы уже углубились в лес, и тут я убедился, что не напрасно разрешил своему новому товарищу составить мне компанию. Он быстро шел впереди, отлично ориентируясь в темном лесу и, похоже, прекрасно зная дорогу. Очень скоро, у меня даже не сбилось дыхание, лес неожиданно расступился, и мы оказались на узкой песчаной полоске берега, облизываемого с противоположной стороны ленивыми языками черной воды... И тут же мы увидели Макаронина!

Юрик стоял по колени в воде, совершенно голый, и его кожа отливала нездоровым зеленоватым серебром в свете огромной, сияющей луны. Впрочем, долго любоваться обнаженным старшим лейтенантом мне не дал Володьша.

– Успели!.. Смотри, смотри, вон они, лоскотухи!.. – Горячо зашептал мой проводник, каким-то образом оказавшийся вдруг за моей спиной, тыкая вытянутым пальцем в сторону озера.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел, что метрах в восьми от береговой линии из черной с серебряными блестками воды торчат пять или шесть темных... голов. То что это именно головы, и головы женские подтверждалось доносившимся до берегом звонким переливчатым смехом. И тут же мою догадку подтвердил Макаронин. Махнув рукой над головой, он задорно крикнул:

– Девочки, я уже иду!!

– Куда это ты уже идешь?! – неожиданно для самого себя громко поинтересовался я, и голос мой при этом был наполнен едким сарказмом.

Юрик быстро оглянулся, но мы с Володьшей стояли в тени опушки, так что он нас не разглядел, и потому самым недовольным тоном переспросил:

– А тебе какое дело, до того, куда я иду?!

– Как это – какое дело?! Не могу же я позволить своему другу утонуть в незнакомом водоеме! – Все тем же саркастическим тоном ответил я.

Макаронина повернулся к берегу и чуть присел, пытаясь разглядеть, кто это с ним говорит, а затем неуверенно поинтересовался:

– Сорока, это ты что ли здесь?..

– И Сорока здесь, и тезка мой здесь. После твоего жуткого вопля мы все страшно всполошились и прибежали тебя спасать!

– Какого вопля?! – Старший лейтенант явно оскорбился. – Никто у нас здесь не вопил, тем более я!

– Да?! Не вопил?! Да наши хозяйки, услышав эти жуткие крики, в обморок хлопнулись, в Василисушка так вся и зашлась в рыданиях! Погибает, говорит, друг мой ненаглядный, старший лейтенант!!

Я конечно врал, но с благой целью – хоть как-то отвлечь Юрика от «девочек» в озере. И, похоже, мой маневр удался. Юрка, быстро оглянувшись на торчащие из воды головы, неуверенно кхмыкнул, а затем недоверчиво, но заинтересованно переспросил:

– Что, прям так и сказала – «друг мой ненаглядный»?!!

– А с чего бы мне врать?! – Воскликнул я, уходя от прямого ответа.

Юрик сделал неуверенный шаг из воды, и тут же до наших ушей донесся тот же самый вопль, наполненный тоской и ужасом! А едва он смолк, как над водой прокатился рассыпчатый дробный женский хохот!

Мы с Володьшей аж присели от неожиданности, а Макаронин спокойно обернулся в сторону озера и чуть разочаровано крикнул:

– Не, девчата, сегодня ничего не получится!! Тут... это... кое-кто хочет меня видеть!!

Махнув рукой, старший лейтенант сделал еще один шаг в сторону берега и тут же, словно бы споткнувшись, неуклюже шлепнулся животом в воду. В ту же секунду луна, сиявшая на совершенно чистом, безоблачном небе, вдруг спряталась за неизвестно откуда взявшейся тучкой!

Я бросился вперед и мгновенно оказался у обреза воды, где меня настиг истошный крик Володьши:

– В воду не ступай!!! Не ступай в воду, а то и тебя достанут!!!

«Кто меня достанет?!» – С раздражением подумал я, стараясь тем не менее не намочить ног и пытаясь разглядеть, что там происходит с Макарониным.

Тот упал на мелководье и, казалось бы, должен был быстро подняться, однако он как-то странно неуклюже барахтался в воде, не поднимая лица и при этом постепенно удаляясь от берега! Я уже собирался шагнуть в воду, но в этот момент Юрик вынырнул, громко фыркнул, выплевывая воду и... расхохотался! Смех его был нехорошим! Ох, нехорошим был его смех – с каким-то иканием, хрипом, как будто ему не хватало воздуха, а хохот, давивший ему горло и грудь, не давал сделать вдох!

В следующее мгновение Юркина голова снова ушла под воду, и хохот сменился неразборчивым бульканьем. Я решительно шагнул в воду, и тут же позади меня снова раздался крик Володьши:

– Не ходи в воду!! Защекочат!!!

В этот момент луна выскочила из-за тучи, и в ярком мертвенном свете я увидел, что Юрик барахтается в воде, стремясь к берегу, но что-то или кто-то тащит его в глубину за ноги! Я бросил быстрый взгляд туда, где совсем недавно торчали головы лоскотух и... ничего не обнаружил!

Луна опять нырнула в тучу, темнота накрыла водную гладь, и тут я почувствовал, как мою правую лодыжку обвивает не то какая-то водоросль, не то проплывавший мимо обрывок веревки. Вот только прикосновение это было мне почему-то крайне неприятно. Я наклонился, собираясь сорвать с ноги этот обрывок, но он вдруг затянулся крепким узлом и неожиданно сильно дернул меня от берега. Мне, однако, удалось удержаться на ногах, а в голове неожиданно повторился Володьшин вопль: «Защекочут!!!»

«Ах, так!!! – Взъярился я. – Ну, сами напросились!!!»

Взметнув ладони к лицу, я соединил указательные и большие пальцы и резко дунул сквозь образовавшееся кольцо.

С моих губ сорвался огромный, ослепительно-оранжевый факел. Я тут же бросил руки вниз, и факел, превратившись в пылающий шар, быстро поплыл над мгновенно взбаламучившейся водой. Оказавшись над барахтавшимся Макарониным, огненный шар расплющился, в его середине образовалась темная дыра. Спустя секунду, шар превратился в огромный, диаметром метров в пять, бублик. Замерев на мгновение в воздухе, этот пылающий бублик рухнул в воду, окружив Макаронина огненной стеной, и... исчез... Вот только вода, в месте его падения вскипела перегретым паром!

Над поверхностью озера пронесся жуткий, жалобный, разрывающий душу стон, и узел, сжимавший мою лодыжку исчез. А в следующее мгновение из воды, метрах в десяти от берега поднялся Юрик. Вода была ему чуть выше пояса, покачиваясь из стороны в сторону, кашляя, отхаркиваясь и выплевывая воду, он медленно побрел к берегу.

На этот раз он благополучно добрался до твердой земли, но мы не успели отойти от воды и на пару метров, как позади нас раздался глухой, шипящий голос:

– Ты пошто, колдун, моих девочек обидел?..

Я толкнул Юрку в сторону прибрежных деревьев, подальше от воды, а сам повернулся к озеру. Туча, скрывавшая луну, снова растаяла, так что поверхность озера стала отчетливо видна – вода в озере была покрыта мелкой, рябью, как будто само озеро мелко и злобно тряслось от ярости.

И снова раздался тот же голос, только на этот раз он прозвучал гораздо отчетливее:

– Что молчишь, колдун?! Говори, зачем ты моих девочек сварил?!!

– Сами напросились! – Коротко ответил я и отступил от воды еще на шаг.

– Неправда твоя!! Они играли, резвились, грелись под лунным светом, никого не трогали, а ты своим непотребным колдовством...

– Как же, не трогали! – Перебил я его. – А кто моего друга в воду заманил?!!

– Неправда твоя!! – Повторил шипящий голос. – Мужик, которого ты называешь своим другом, сам в воду полез, никто его не заманивал!!

И тут у меня мелькнула мысль! Обдумывать ее времени не было, и я крикнул на удачу, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно уверенней:

– Неправда моя?!! Ты думаешь, я не понял, что твои «девочки» ему с воды кричали?!! А что они с ним сделали бы, не вмешайся я?! Да они меня самого за ногу хватили и в воду тянули!! Резвухи, мать твою так!!!

– Но, но, не ругайся!! – Загорчал голос, и где-то довольно далеко от берега звонко плеснула крупная рыба. Мне даже показалось, что я увидел над поверхностью озера широкий хвостовой плавник, ударивший по воде.

– Ну, кричали... – продолжил между тем голос, – ...мало ли что девки кричать могут!.. Шутили они!..

– Так и я не со зла огнем плюнул! – Усмехнулся я в ответ. – Тоже для шутки! Я ж не думал, что они отплыть не успеют!

И тут мне в голову пришла новая мысль, словно я сам себе ее подсказал:

– Или они все-таки успели удрать, а ты меня просто надуть пытаешься?! А ну-ка, предъяви своих сваренных «девочек»! Яви миру результат моего «непотребного колдовства»!

И снова в озере крупно плеснуло, на этот раз гораздо ближе к берегу.

Подождав для верности несколько секунд, я торжествующе заорал:

– Что, морда пучеглазая, нечего предъявить?! Так чья выходит неправда?!!

– Так колдун... – рыкнул в ответ голос, – ...выходит, не договориться нам с тобой!! Ну что ж, пеняй на себя, сам напросился!!!

В тот же момент совсем недалеко от берега из озера снова вынырнул огромный серебристо-перламутровый хвост и со всего размаху ударил по воде!

«Ну, на такой глубине волну не слишком-то поднимешь...» Успел подумать я, но практически сразу же понял, что ошибаюсь. Волна и в самом деле получилась не слишком великой, вот только она не бежала к берегу – она стояла на месте, словно ожидая какой-то команды или... подмоги. А со стороны озера к этой ожидающей волне начали подкатывать все новые водяные валы, наполняя волну невиданной мощью.

Несколько секунд я наблюдал за происходящим, а затем в свою очередь начал читать заклинание, наиболее, по моему мнению, подходящее для данного случая.

В этот момент луна снова спряталась за набежавшим облаком, а водяной вал высотой метра в три, дрогнув, стеклянно блеснув темным лаком ночи, и, наконец, медленно тронулся в сторону берега, глухо ворча и постанывая от собственной тяжести!

Именно в этот момент я произнес заключительные слова своего заклинания и бросил поднятые ладони вниз, словно припечатывая к земле сказанное. Мокрый песок под моими ногами мгновенно промерз до состояния камня, а эта ледяная корка стремительно сбегала в воду, сковывая, промораживая ее до самого дна.

Сосредоточенный на своем магическом выдохе, на преобразовании окружающей меня дикой Силы, я тем не менее внимательно наблюдал, как навстречу медленно катящемуся валу скользит стремительно расширяющаяся полоса недвижимого, покрытого мелкой изморозью льда.

Вот они столкнулись, и ледяная корка нисколько не теряя своей стремительности начала карабкаться вверх по наступающей, разгоняющейся волне. Несколько секунд было неясно, сможет ли мое заклинание проморозить вставшую дыбом, огромную массу воды, или же накатывающийся вал раздробит ледяной панцирь и обрушится всей своей тяжестью на прибрежный песок, сметая на своем пути все и вся. Лед у подножья волны трескался, скалывался, лопался, пропуская сквозь себя струйки, фонтанчики, водопадики, но тут же схватывался еще более мощными пластами, сковывал воду, и она повисала на образовавшемся торосе причудливыми, безобразными потеками.

Наконец стена воды остановилась, превратившись в стену льда, хотя сила чужого колдовства все гнала и гнала воду озера к берегу. А я силой своего заклинания гнал навстречу этой воде дикую магическую Силу, преобразованную в Холод, в Стужу, в Мороз. Прибывавшие массы воды стремились перехлестнуть через вставшую на их пути ледяную плотину, и, встречая удар Холода, ласку Стужи, цепенели на ее вершине. Плотина стремительно росла, закрывая ночное небо, гася звезды!

Борьба наша с самого начала была не совсем равной – воды в озере, конечно, было очень много, но дикой, неорганизованной магической Силы в этом мире было не в пример больше! Скоро почти вся вода озера была поставлена вертикально, ледяная стена выросла метров до двадцати, а о ее толщине я имел весьма смутное представление.

И тут снова выглянула луна, пронзив ледяную плотину своим серебряным светом. В самом центре плотины виднелось огромное темное пятно.

Я не успел сообразить, чтобы это такое могло быть, как лед в этом месте треснул, его осколки посыпались на наледь, и в образовавшуюся дыру... просунулась огромная голова, покрытая длинными, темными, чуть в зелень космами. Сквозь эти жуткие космы проблеснули багровые блики зрачков, и снова раздался шипящий голос:

– Не радуйся колдун, мы еще встретимся!!! Бойся воды!! Бойся любой воды – от моря до глотка!! Даже дождевая капля может убить тебя!! Бойся!!! Бойся!!! Бойся!!!

Я повернулся спиной к озеру и медленно пошел к деревьям, за которыми стояли мои спутники, а в спину мне несло шипяще-хрипловатое не то предупреждение, не то проклятие – «Бойся!!!»

У самых деревьев я остановился и, повернувшись к озеру, проговорил:

– Извини, я вынужден оставить тебя в таком положении до утра... – и с усмешкой добавил, – ...смотри не простудись!

И тут, словно в ответ на мои слова, из-под деревьев донесся еще один шипящий голос, только на это раз донельзя испуганный:

– Ты что?! Это ж Водяной Шишок, разве можно его так дразнить?!

На вынырнувшей из-за ствола физиономии Володьши был написан непритворный ужас.

Я в ответ пожал плечами и повторил фразу, недавно сказанную водяным:

– Он сам напросился!

– Даже если и напросился, так его тоже понять надо!.. – Не согласился со мной Володьша. – Он своих лоскотух защищал... Ты ж их в самом деле... того... пришпарил!

– Но не мог же я допустить, что б «пришпарили» Макаронина! – Возмутился я.

Юрка, приплясывая за кустиками, натягивал штаны. Услышав мои последние слова, он поднял голову и бодренько заявил:

– Да никто меня и не собирался «пришпаривать»! Девочки хотели, что б я им компанию составил – купанье под луной в дамском обществе очень стимулирует!

Тут уж, признаться, меня просто зло взяло! Остановившись, я сунул руки в карманы джинсов, оглядел рослого Макаронина самым презрительным из имевшихся в моем арсенале взглядов и как можно холоднее произнес:

– Договорились, Макаронина, следующий раз я не стану вмешиваться в твои водные процедуры, и пусть столь любимое тобой «дамское общество» застимулирует тебя до... полного паралича!

Видимо, даже до этого непробиваемого дылды дошел мой высокий сарказм. Перестав приплясывать, он встал на обе ноги, втоптав при этом в траву одну штанину, и чуть растерянно проговорил:

– Ты чего, Сорока, обиделся что ли?.. Да я же ничего не говорю... я... это... благодарен даже... за эту... за заботу... ну и за... за помощь. Но только...

Я перебил его, махнув рукой:

– Ладно!.. Пошли, уже пол ночи прошло, а вставать надо рано!

Я двинулся вперед, Макаронин, торопливо натянув-таки свои штаны, тронулся следом, а Володьша, присоединившись к старшему лейтенанту, громко зашептал:

– Так ты что, опер уполномоченный, так и не понял, я кем связался?! И как только тебя к этому озеру занесло?!

– Занесло, связался! – Забубнил в ответ Макаронин. – Никуда меня не занесло, ни с кем я не связался!! К лесу отошел... за делом, слышу, девчонки смеются, ну я и подумал, почему б не познакомиться?! Я вообще-то всех девок в округе знаю, а тут голоса совершенно незнакомые, да такие, знаешь... зазывные! Пошел на эти голоса, да к озеру и вышел. Еще думаю, откуда здесь озеро?! А девчонки, как увидели меня на бережку, аж завизжали от

радости! Давай, кричат, к нам, молодец!.. Почему б думаю, не искупаться при луне да в хорошей компании?! И только, понимаешь, разделся, как вы на берег вывалились!!

Тут он вдруг умолк, а потом с некоторым недоумением добавил:

– Вот только как я в озере оказался?! Я ж вроде бы решил с вами домой возвращаться!

– Э-э-э-х, опер! – С чувством проговорил Володыша, – Когда б не друг твой, веселился бы ты сейчас... на дне озера да с порванным горлом!

– Ой, ладно! – Отмахнулся Макаронин. – «С порванным горлом!» Это кто ж бы мне его порвал, девки что ли?! Ну ты скажешь, тоже! Я две недели назад четверых пьяных в стерву бандюганов повязал вместе с их цепями и ножичками, а тут четыре девки!

– Да что ты все «девки, девки»! Не девки это были – лоскутихи!! – Шепот Володыши почти превратился в гневный вопль, однако, Макаронина и гневным воплем смутить было сложно.

– Да как ты девку не назови – телка, мымра, мочалка... это... как ты сказал?... лоскутиха, а все она девкой останется!

– Не лоскутиха... Лоскутиха... – голос у Володыши вдруг сделался усталый и безразличный, он, видимо понял, что пофигизм Макаронина непробиваем.

– Лоскутиха, лоскутиха – какая разница, – махнул рукой старший лейтенант, – Веселые девки были!..

И в голосе его звучала лирическая тоска по упущенным возможностям.

Мы вышли из леса к плетню Лосихиной «гасьенды», и тут я понял, что уже ночь кончилась! Серый предутренний свет, струившийся с бледного прозрачного неба размыл, растворил ночную тьму, так что обе стоявшие посреди двора хозяйки были отлично видны. Мы вышли к усадьбе сбоку, так что пристально всматривавшиеся в лес Лосиха и Василиса заметили нас далеко не сразу. Невысокая Василиса что-то тихо говорила своей рослой матери, что именно, слышно не было, зато ответ Лосихи, высказанный гулким басом, мы услышали вполне отчетливо:

– Никуда он не денется, мне Водяной Шишок лучших лоскуток обещал подослать, а он на девок очень падкий, это сразу видать!..

«Ах ты, подлая тетка, – тут же подумал я, вспомнив сказанную вечером и многозначительно незаконченную, с угрозой, фразу Лосихи, – вот, значит ты как!.. Это, выходит ты таким образом решила Юрику отомстить! Ну, погоди ж ты у меня!!»

Макаронин, похоже, не обратил никакого внимания на лосихины слова, а вот Володыша бросил на меня быстрый короткий взгляд, растерянно округлившимися глазами.

Мы довольно шумно перелезли через плетень, и я тут же услышал облегченный вздох Василисы:

– Так вы все трое вернулись?..

– Как же мы могли не вернуться, когда Сорока мне сказал, что ты... того... беспокоилась за меня... – С каким-то странным придыханием прогундосил Юрка.

– Ой, а я как беспокоилась! – Насквозь фальшиво воскликнула Лосиха. – Прямо, как только услышала, что на озере завопили, так сразу же и забеспокоилась – не нашего ль гостя дорогого топят?..

И вдруг, забыв о завязавшемся разговоре, Лосиха озабоченно воскликнула:

– Э-э-й! А как... как это вы через плетень-то перелезли?!

– Так, повыше ноги подняли и перелезли... – Добродушно отозвался старший лейтенант.

– Дак, я ж – тут она сбилась и начала, запинаясь, мямлить, – ... того... этого...

По ставшему вдруг неуверенным тону Лосихи я понял, о чем она чуть было не проболталась и закончил фразу за нее:

– Заклинание охрannое активизировала!

– Ну... так... для пробы! – Почти не смущаясь пояснила она. – Мало ли что не так, что б ты, значит, исправить мог! Так вот видишь, не напрасно – заклинание-то твое охранное и не сработало!!

– Так оно по причине не сработало!.. – С откровенной издевкой ответил я.

– По какой-такой причине?! – Встревожилась Лосиха.

– По причине модульной избирательной абберации! – Высокомерно ответил я.

– Почему, почему?! – Не поняла Лосиха.

– По... тём! – В тон ей ответил я, а затем, все-таки, снизошел до внятного объяснения, – Меня и моих друзей это заклинание никогда не тронет! Я себя и своих друзей от своего колдовства берегу!

– Ты!.. Бережешь!! – Немедленно взярилась Лосиха. – И выходит, что теперь этот твой дружок... – она ткнула пальцем в сторону Володьши, – ...когда захочет, будет ко мне через плетень лазить?!!

– Да чего он за твоим плетнем-то не видел?! – Неожиданно влез в разговор Макаронин.

Лосиха резко развернулась в его сторону и всплеснула руками:

– О!! Еще один ходок объявился, тоже за чужой плетень заглядывать мастер!!

– Но-но, мамаша! – Повысил голос Макаронин. – За «ходка» и привлечь можно!! А насчет «за плетень заглядывать»... ежели у нас с вашей дочкой взаимная симпатия, так и за плетень заглянуть не грех!!

Тут Макаронин как-то странно сбился, а затем продолжил свою речь, словно бы мгновенно приняв некое важное решение:

– Я, может, как вашу дочку от угару спас, так за плетень-то с самыми серьезными намерениями заглядываю!! Я, может, как только домой вернусь, так сразу же и сватов к вам зашлю!!

На мгновение Лосиха оторопела, затем как-то странно хрюкнула, оглядела высоченного Макаронина шальным глазом, а затем, повернувшись ко мне, прошипела:

– Слушай, колдун, шел бы ты от нас подобра-поздорову и дружков своих малохолных забирал бы с собой!! Мало нам одного Володьши было, теперь еще и этот опер... уполномоченный в женихи навязывается!!

– Это кто это к вам навязывается?! – Начал было «опер», но я не дал закрутиться этому бессмысленному пререканию по второму кругу:

– Вот тут ты, тетушка Лосиха, совершенно права, пора нам двигаться, хотя, не знаю, смогут ли мои товарищи покинуть твой гостеприимный... плетень! Очень уж они к нему... того... привязались!!

– Нет уж, ты их давай, отвязывая и забирай!! – Грозно рявкнула тетка.

Я посмотрел на обоих «женихов» и кивнул:

– Ладно, заберу... Не будут они больше тебе досаждают. Только уж, как обещала, собери нам на дорогу харчей.

– Харчей вам?! – Неожиданно тонким голосом взвизгнула тетка. – Да за такую работу не то что харчей дать, а с вас с самих плату надо требовать!! Это ж надо иметь такую бессовестную харю – делать забор и для себя лазейку оставлять!! Это ж до чего жисть дошла, что за дрянную работу еще и платить приходится!!

Воля таким образом она, тем не менее посматривала на меня совершенно спокойным, изучающим глазом, словно бы оценивая мою реакцию на свое возмущение.

Я покачал головой и повернулся к своим спутникам:

– Ладно, ребята, пойдем так. И раз уж здешней хозяйке моя работа не по нраву пришлась, то я ее тоже с собой заберу!

Лосиха, услышав мои слова, косо дернула головой, открыла рот, собираясь, видимо, что-то сказать, но передумала и закрыла его. Я направился к плетню и, отойдя пару шагов,

оглянулся. Ребята, чуть понурившись, шагали за мной, а Лосиха снова открыла рот, протянула мне вслед руку, но поймав мой насмешливый взгляд, снова ничего не сказала. Зато заговорила Василиса:

– Постой, Сорока, подожди минутку!.. Я сейчас!..

Ее цветастый подол метнулся в сторону, и девчонка вихрем умчалась в дом.

«О-па!! – Усмешливо подумал я, – вот и в этом Мире у меня прозвище появилось!.. Ну да это Макаронин виноват, это он меня при всех школьным прозвищем дразнит!»

Василиса снова появилась во дворе буквально через пару минут, в одной руке у нее была небольшая котомка, похожая на солдатский вещмешок времен последней мировой войны, а во второй володышин мешок и «мандолина». Подлетев ко мне, она протянула свою котомку мне и с коротким придыханием пояснила:

– Вот вам... на дорогу... Только ты не думай, я не потому, что ты пригрозил заклинание с плетня снять!.. Просто, нехорошо людей в дорогу так-то отправлять!..

– Спасибо, Василисушка... – Неожиданно для самого себя назвал я девушку «по-володышеному», принимая из ее рук довольно увесистую торбу. Девчонка, не говоря ни слова и как-то застенчиво протянула Володыше его поклажу и, бросив в сторону молчавшей матери быстрый взгляд, неожиданно проговорила:

– Вы сейчас осторожно идите, старайтесь под деревьями держаться, на открытое место не выходить... – и, поймав мой недоуменный взгляд, добавила, – поутру-то, рано, баба-Ага у нас над лесом летает, так не дай вам случай на ее пути оказаться!..

– Баба-Ага?! – Удивленно переспросил я, но Василиса только махнула рукой и бросилась обратно в дом.

Лосиха, недобро посмотрела мне прямо в глаза, проворчала басом что-то вроде: – Шагайте, шагайте!.. – И тоже направилась в сторону дома.

Ну, мы и пошагали. Володыша, правда, притормозил, с тоской оглядываясь на захлопнувшуюся дверь, но я поторопил его взглядом, и мужичок, коротко вздохнув, потопал вперед, показывая нам дорогу.

Минут двадцать мы шагали по просыпающемуся бору молча, а затем Макаронина кивнул на володышину мандолину и чуть свысока бросил:

– Слышь, музыкант, ты бы, что ль, показал что умеешь на инструменте!.. Все веселее идти было бы!

Володыша удивленно посмотрел на долговязого Юрика и, чуть пожав плечами, ответил:

– Так кто ж на ходу музыку показывает?!

– Ой, – широко ухмыльнулся Юрик, – гляньте, композитор какой, на ходу по струнам не попадает!! – И, довольно хмыкнув, добавил, – Ладно, тогда я тебе музыку покажу.

Откашлявшись, Юрик несколько секунд помолчал, а затем вдруг объявил чуть ли не на весь лес:

– Любимая песня личного состава Железнодорожного отделения милиции «Если кто-то, где-то, что-то, как-то, вдруг!»

Он еще несколько секунд помолчал, и вдруг немзыкально заревел в полный голос:

– Наша служба и опасна, и тошна!!!
И на первый взгляд как будто не нужна!!!
Если кто-то, где-то, что-то, как-то, вдруг,
Често жить не хочет!!!
Вот тогда мы с ним ведем незримый бой,
Так работу мы зовем между собой,
Особливо ночью!!!

При первых же Юркиных воплях Володьша опасливо на него покосился и незаметно переместился таким образом, чтобы я оказался между ним и старшим лейтенантом. А тот, закончив свой немзыкальный рев неожиданно высокой фистулой, огляделся и удивленно посмотрел на меня.

– А где этот... музыкант?..

– Здесь я!.. – вынырнул из-за моей спины Володьша.

Макаронина плотоядно улыбнулся и благостно поинтересовался, явно напрашиваясь на восторженную оценку:

– Ну, как тебе моя песня?!

Володьша открыл рот, немного подумал и снова закрыл его. Потом глухо кашлянул и коротко ответил:

– Громко...

– Ха!! – Удовлетворенно воскликнул Макаронина. – Это разве громко?! Ты бы слышал как этот мотивчик исполняет сводный хор Железнодорожного районного отделения внутренних дел!!!

– Только слова не очень понятны... – осторожно добавил местный менестрель.

– В каком смысле, не очень понятны?.. – Чуть нахмурил брови оперуполномоченный.

– Ну, вот ты... к-хм... пел, что ваша служба и опасна, и... это... тошна, и на первый взгляд как будто не нужна... Но если эта служба и опасна, и не в радость, и не нужна, так зачем же вы служите?..

От такого неожиданного вопроса Макаронин буквально оторопел. Остановившись так, словно его дернули за ворот, он посмотрел на вопрошавшего чумноватым взглядом и растерянно переспросил:

– Чего?!!

Володьша заторопился объяснить:

– Ну, если со службой все так плохо – опасно, мутит, никому не нужно, зачем на этой службе состоять?!

– Почему плохо... все?! – Снова не понял Макаронин. – Служба, как служба... Ну, бывает, подерешься, иногда даже постреляешь, так это даже интересно! И потом... это... уважение!

«Интересно, чье уважение и к кому?!» – Ехидно подумал я, однако вслух ничего не сказал – было занимательно дослушать эту разборку Юркиного «вокала» до конца.

– Какое уважение? – В свою очередь удивился Володьша. – Ты же сам пел, что ваше служба никому не нужна?!

– Да ничего я такого не пел! – Неожиданно взревел Макаронин. – Как это такое может быть, что моя служба никому не нужна?! Я же – оперуполномоченный!..

– ...И старший лейтенант! – Немедленно подтвердил Володьша. – Но только в твоей песне ясно было сказано, что ... э-э-э... «наша»... то есть ваша, «...служба и опасна и... э-э-э... тошна, и...»

– И на первый взгляд, как будто не нужна!!! – Бойко подхватил Макаронин. – Так ведь ты слушай... балалаечник! Во-первых, «на первый взгляд»! А на второй взгляд, поверь мне, будет уже совсем другое дело! Во-вторых, «как будто»!!! – Он поднял вверх правый указательный палец, – «как будто», а не на самом деле!! Понял?!!

– А-а-а... – Протянул Володьша, понимая, однако и в этом «понимающем» вроде бы возгласе скрывалась большая доля сомнения. – Понял! Служба, значит, как будто бы не нужна, а на самом деле...

– Во-о-о!! – Удовлетворенно отозвался Макаронин, – допетрил, балалаечник!

– А кто такой – балалаечник? – С неподдельным интересом спросил сын Егоршин, переводя разговор на другое.

– А это тот, кто играет вот на таких балалайках! – Немедленно пояснил грубый Юрик, ткнув пальцем в музыкальный инструмент Володьши.

– Но... Это вовсе не... балалайка! – Чуть растерянно ответил тот, посмотрев на свою мандолину, – Это – мандарина-низ.

– Низ?.. – Немедленно переспросил Макаронин, ухмыльнулся и добавил, – Значит, есть и... э-э-э... мандарина-верх?!

– Есть, – Володьша согласно кивнул, – только она раза в два меньше и струн на ней шесть.

Макаронин еще раз ухмыльнулся и с некоторой подковыркой поинтересовался?

– Ну а чего-нибудь сбацать на ней ты можешь?!

– Что сделать?.. – Растерялся сын Егоршин.

– Ну... это... сбацать, изобразить, слабать, стрындить... – Юрик на мгновение остановился, подбирая еще какой-нибудь «жаргонизм», и я, пожалев вконец растерявшегося аборигена, вставил:

– Сыграть!.. Он просит сыграть что-нибудь!

– Ну да, сыграть! – Удивился Юрик, – я ж так и говорю!..

Володьша с некоторым даже восхищением посмотрел на старшего лейтенанта и покачал головой:

– Нет, на ходу... это... «трындить» сложно. Вот остановимся, тогда я попробую. Правда, мандарина-низ... она... того... ну, в общем для низового подыгрыша, мелодию на ней сложно вести...

– Ишь ты, – снова усмехнулся Макаронин, – и на ходу не может, и мелодию сложно... Какой же ты тогда... этот... мандаринщик?..

Юрик повернулся ко мне и неожиданно попросил:

– Слушай, Сорока, давай привал устроим. Позавтракаем и заодно этого... мандариниста послушаем!

Я хотел было сказать, что мы в этот лес забрались не завтраками наслаждаться, однако, именно в этот момент тропка, по которой мы шагали, юркнула в кусты и, вильнув вокруг покрытого ровным, темно-зеленым мхом бугорка, вывела нас на широкую, светлую поляну, обсаженную по опушке удивительно ровненькими, стройными березками. Трава на этой поляне была такой густой и ровной, что невольно хотелось на нее присесть. Так что мне ничего не оставалось, как только согласиться с Юркиным предложением, тем более, что время завтрака действительно, похоже, наступило.

Мы сошли с тропки, пересекавшей полянку наискосок и уселись прямо на травке. Я развязал василисин мешок и принялся вытаскивать из него свертки и перевязанные поверху чистыми лоскутами глиняные миски. Последнее, что я достал, был довольно увесистый глиняный жбан с прикрученной тряпочкой крышкой, в котором что-то побулькивало. Володьша быстро взял жбан у меня из рук, открутил тряпочку, приподнял крышку и понюхал. Затем, взглянув на нас замаслившимся глазом, он довольно протянул:

– Медовуха... лосихина! Ох, ребята, какую Лосиха медовуху варит, я вам скажу, нигде такой медовухи не попробуешь!!

– Поставь-ка емкость на место!.. – Протянул я ему раскрытый мешок.

Володьша недоуменно посмотрел на меня, а затем перевел взгляд на Макаронина, словно ища у него поддержки.

И он нашел ее.

– Ты чего, Сорока?! – Возмущенно взревел старший лейтенант почувствовавший спиртное. – Это, можно сказать, последний привет от Василиски, а ты хочешь лишить нас этого приветика?!!

Я наклонил голову и посмотрел на Юрика долгим взглядом. Нашего доблестного блюстителя порядка мой взгляд не пронял, впрочем, я на это и не надеялся. А вот Володьша под моим взглядом несколько смутился и, отведя глаза в сторону, пробормотал:

– Я просто думал, что несколько капель нам не повредит, даже наоборот, развеет грусть-тоску...

– Ставь баклажку в мешок! – Твердо произнес я. – Грусть-тоску вечером развеивать будем!

Володьша со вздохом вернул емкость в мешок, а Макаронин возмущенно прогудел:

– Ну, Сорока, ты, оказывается, самодур и диктатор!.. Подавляешь, можно сказать, все естественные человеческие... э-э-э... инстинкты!

– Подавляю... – Неожиданно согласился я с Юриком, сопроводив свое согласие очень похожим на володьшин вздохом. – Но нам шагать еще целый день, и я очень не хочу, чтобы моих спутников разморило в пути.

– Ну, тогда ты, композитор, изобрази нам что-нибудь! – Потребовал грубый Макаронин, разворачивая один из свертков и доставая из него здоровенный пирог.

– Ага! – С неожиданно злой иронией ответил Володьша. – Вы будете брюхо набивать, а я вас развлекать еще должен!

Местный менестрель достал из того же свертка еще один пирог, откусил солидный кусок и, невнятно пробормотав, – С грибами, похоже... – принялся энергично жевать.

Позавтракали мы быстро и в полном молчании. Володьша насытился первым, подтянул к себе свой инструмент, уложил его на колени и, обхватив гриф пальцами правой руки, легко, словно лаская, тронул струны. Над поляной повис едва слышный, низкий, рокошующий звук, словно где-то совсем далеко пророкотал первый предвестник грозы.

Макаронин дожевывал остатки последнего пирога, вытер пальцами углы рта и, уставившись на володьшину мандарину, приготовился слушать, а я, посмотрев на разложенные на травке харчи, решил, что успею убрать их в мешок и после концерта. Тем более, что концерт уже начался.

Володьша закрыл глаза, склонил голову набок, и его пальцы быстро забегали по струнам.

Мелодии, действительно, не было, низкие, порой раскатистые, а порой странно kloкочущие звуки не переплетались между собой, не создавали привычной музыкальной гармонии. Каждый, извлеченный из этого странного инструмента звук жил как бы сам по себе, противореча предыдущему и не уступая последующему, но, тем не менее, вместе они создавали странное впечатление некоего единства... Единства противоречий! Негромкое и очень низкое звучание заставляло прислушиваться к себе, ловить каждый отдельный звук. Порой казалось, что мелодия есть, хотя и не совсем привычная, только ухо не способно ее уловить, или, вернее, сознание было не способно, распознать ее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.